

ПРИХОДСКАЯ № 21

Газета

СЕНТЯБРЬ 2000

ОН ИЗНАЧАЛЬНО ПРИНАДЛЕЖАЛ ЦЕРКВИ

В центре нашей веры стоит Иисус Христос, в христианстве соединяются все чаяния других религий, христианство, как Эверест, возвышается над всем, что есть в других религиях, пафос всех религий сходится, как в фокусе, именно в том наибольшем откровении Бога людям о Себе, которое содержится в христианстве, — об этом совершенно замечательно говорил отец Александр Мень в своей последней лекции на Волхонке, вечером 8 сентября 1990 года.

Он начал с того, что христианство есть Богочеловечество — соединение Божеского и человеческого. Мы с вами как люди, несущие в себе и биологическую природу, и подобие Божие, нуждаемся в том, чтобы просветить то несовершенное, что содержится в каждом человеке. И этому посвящена человеческая жизнь: итогом ее должно быть то, что Иисус называет

**9 СЕНТЯБРЯ
ИСПОЛНЯЕТСЯ
10 ЛЕТ
СО ДНЯ**

МУЧЕНИЧЕСКОЙ КОНЧИНЫ

Царством Божиим, полнотой и цельностью бытия.

**ОТЦА
АЛЕКСАНДРА МЕНЯ**

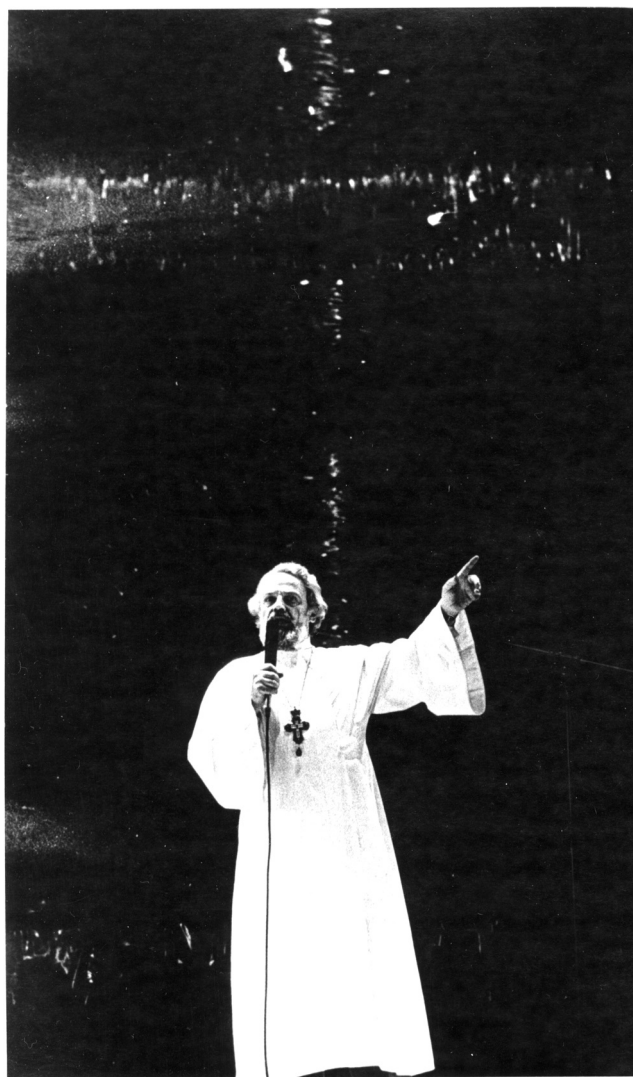
Отец Александр всей своей жизнью и служением православного священника являл подлинное свидетельство этой цельности и полноты. Евангельская открытость, еван-

гельское принятие всего, евангельское терпение к немощным, падшим, больным, превозносящимся, словом, людям, обладающим всякими человеческими немощами, — все это было в нем как в пастыре и как в человеке, и при этом он излучал бесконечную радость. Люди, которые приходили к нему, видели прежде всего это светлое, радостное лицо, улыбку, сияющий взгляд прекрасных глаз. Ему было дано знать эту радость христианства, и ему было дано нести ее людям.

Сейчас, как и при жизни отца Александра, и вскоре после его гибели, во многих кругах модно его ругать. Причем, делают это, в основном, люди, которые его не знали и не читали, а на предложение

что-то прочесть, как правило, дают стандартный ответ: «не читали и читать будем». Такая вот простая позиция.

Но однажды мне довелось познакомиться с одним священником, который

пережил перемену в отношении к личности отца Александра Мень. Он служил в Подмоскowie, восстановил, поднял, можно сказать, из руин храм, создал общину. Об отце Александре он отзывался стандартно: какой-то непонятный (правда, что именно непонятно, объяснить не мог), какой-то подозрительный, и поэтому лучше его не касаться, и т.п. И вот однажды, когда этого священника коснулась беда (по

Окончание на стр. 4

Священник Александр БОРИСОВ:

ОН ЖИЛ ИМЕННО ТАК, КАК ГОВОРИЛ И УЧИЛ

— 10 лет без отца Александра... Как с этой временной дистанции Вы оцениваете значение его личности и служения — его фигура выросла или, быть может, наоборот, несколько отошла на второй план?

— Конечно, безусловно, выросла. И чем дольше я живу, чем больше мой собственный священнический опыт, тем больше открывается мне значение этой удивительной личности.

Если в кратком интервью, без долгих раздумий, попытаться Вам ответить, то это будет совсем не богословский текст, но таким вот образом, чисто эмоционально, скажешь, может быть, самое главное...

А главное в личности отца Александра — сочетание высокой образованности и глубочайшей духовности. Есть очень много людей хорошо образованных, много знающих, но при этом переживающих кризисы в вопросах веры: складывается такое впечатление, что знание становится каким-то балластом, оно человеку не помогает, а скорее мешает; ему трудно в огромном количестве фактов выявить главное и не отдать себя в плен скепсису, релятивизму.

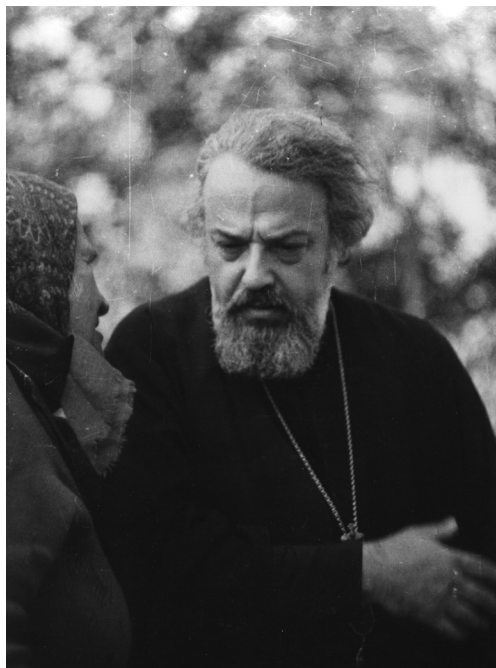
В отце Александре как раз удивительным образом сочетались образованность, эрудиция и глубокая вера, глубокое знание о Боге — знание изнутри, не по книгам (хотя при этом он был человеком величайшей книжной образованности), глубокая христовцентричность, любовь ко Христу; было видно, что все эти знания выстраиваются в замечательный орнамент, Творцом которого является Сам Господь Иисус.

Другая характерная черта отца Александра — и сейчас это становится все яснее, потому что в отсутствие его личности эта утрата ощущается особенно остро, — он жил именно так, как говорил и учил. Вокруг немало людей, которые могут замечательно говорить, отстаивать какие-то очень правильные взгляды, высказывать очень правильные суждения, но все время ловишь себя на том, что все это замечательно, но то, о чем они говорят, им не удается. И это касается, наверное, многих из нас. А в личности отца Александра мы всегда встречали эту цельность: человек жил и действовал именно так, как он говорил. Конечно, и у него бывала некоторая поспешность (хотя в целом это не характерно для него): иногда в спешке, на ходу, он мог сказать что-то очень важное, — но дело в том, что он обладал столь быстрой реакцией, что даже на ходу брошенная фраза была, как правило, не случайной; его слова оказывались очень точными и правильными. Это касалось и пастырских советов, и суждений

по самым разным вопросам — у него была мгновенная реакция человека очень умного и одновременно глубоко знающего Бога, человека духовного (простите меня за это затаканное теперь слово, но это действительно так).

Еще одна важная черта личности отца Александра — его внимание к каждому человеку. Ну, конечно, на практике, в жизни, видно было, что кому-то он особенно рад, — например, Надежде Яковлевне Мандельштам или Александру Галичу. Но это было не главное. Нередко можно было видеть, как он отправлялся в отдаленную деревню причащать старушку; и проповедовал он, всегда рассчитывая на понимание тех простых людей, которые жили там, в Новой деревне. Он постоянно соответствовал аудитории, говорил на ее языке, оставаясь при этом высокообразованным человеком — это удивительное умение: действительно глубоко и сердечно открываться каждому человеку, с которым в данный момент общаешься.

Еще одна, важнейшая, особенность его личности: при всем том, что он совершенно отчетливо видел обстановку окружающей советской действительности, у него не было уныния: вот, мол, все так плохо, и т. д. У него вообще ориентация была не на

то, что хорошо и что плохо, а на то, что же можно сделать — в тех условиях, которые есть, — для проповеди Евангелия. И даже в советское время он находил множество возможностей трудиться не покладая рук. Это и священническое служение, и книги, и евангельские группы, и общение с от-

дельными людьми, забота и опека. Его эти советские условия как будто совсем и не стесняли! И уж тем более сейчас, когда Церковь свободна, странно бывает от кого-нибудь слышать, что, вот, нельзя то, нельзя это. Я думаю, что для проповеди Евангелия всегда остается очень

много свободного пространства. Как говорил ап. Павел: «кто отлучит нас от любви Божией? ...ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе» (Рим 8:35, 39) — ничто!

И отсюда, как сам отец Александр говорил, его «практический оптимизм» — радостное восприятие окружающего, радостное восприятие жизни.

Хотя, конечно, — и на многих фотографиях это видно: лицо его бывало и мрачным, и грустным — он, как немногие из нас, видел негативные стороны жизни, видел то, что может привести к плохим последствиям; и тем не менее на фоне этого своего очень ясного и четкого видения большую часть его мироощущения составляла именно радость!

Есть такое определение: святой — это именно тот, кто открывает для себя Божию любовь и помогает другим ее открыть. И вот отсюда его радость: он был именно таким человеком — сейчас это становится особенно ясно, — который жил в этой Божьей любви, знал ее и мог ее открывать другим.

И вот, возвращаясь к началу: выросла его личность или нет? Ну конечно, выросла! Сегодня видно, насколько были верны его позиции, его оценки, его подходы к тем или иным вещам, насколько они христианские, как они продолжают работать и сейчас. И совсем уже практический аспект — то, что отец Александр действительно продолжает трудиться и сейчас: 10 лет спустя после его смерти приходят люди, которые когда-то его видели, когда-то с ним говорили, и вот посейное им семья любви Христовой начало прорасти только теперь. Продолжают работать его лекции, его книги, которые продолжают обращать все большее и большее число людей. Об этом говорит и растущее с каждым годом число переводов его книг, его проповедей на иностранные языки — французский, английский, украинский, литовский, румынский, португальский (для Бразилии; это огромная страна, и тиражи там огромные). Сейчас готовится немецкий перевод книги «Сын Человеческий».

— Еще один вопрос. Наши приход нередко называют «мневским», общину — «мневцами». Как Вы к этому относитесь? Вы это принимаете?

— Конечно.

— Следовательно, Вы ощущаете себя преемником отца Александра — Вы как бы приняли на себя его пастырское

служение?»

— Ну, видите ли, ощутить себя преемником отца Александра Меня очень сложно: потому что мои ресурсы ни в какое сравнение с его не идут, они на несколько порядков меньше. Поэтому я прекрасно понимаю и чувствую, как много я недо-тягиваю. Но это естественно и нор-мально, — потому что ту работу, какую делал отец Александр, могут делать только несколько человек вместе, распределив, так сказать, роли. Так что здесь невозможно с ним равняться, об этом невозможно даже думать.

Другое дело — то, что для нас является даже не самым главным и важным, а то, за что нас, так сказать, «клюют». Я думаю, что это прежде всего, конечно, отсутствие такой по-зиции, которую кто-то удачно назвал «агрессивным изоляционизмом» — по отношению к другим конфессиям, другим исповеданиям, вообще к миру и к людям, которые не точно такие, как мы, в том числе даже и ко многим православным, которые не совпадают в позиции, скажем, с митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном. Тут, конечно, никуда от этого не деться.

Конечно, мы не должны раство-ряться в мире и должны, разумеет-ся, сохранять нашу идентичность, которая зиждется на христианстве и конкретно на принадлежности к Русской Православной Церкви. Но мы не должны превозноситься над всем осталь-ным миром и считать, что все остальные сгорят в аду. И вообще — Суд принад-лежит не нам, Суд принадлежит Богу; всегда грозно звучит предупреждение о том, что последние станут первыми. Мне вспоминается отповедь отца Александра Меня, когда его и еще целый ряд людей причислили к разряду «инакомыслящих». Он сказал: «это не мы, это они “инако-”, а мы — “тако-мыслящие”»!

И в этом случае, о котором мы говорим: почему православие — это всегда право-славие митрополита Иоанна или право-славие старца Ферапонта из «Братьев Карамазовых»; почему православие — это не православие митрополита Антония Су-роожского, о. Александра Шмемана, прот. Иоанна Мейендорфа, старца Зосимы у Достоевского (в «Братьях Карамазовых» эти две линии православия очень четко вы-явлены в фигурах Зосимы и Ферапонта)? Почему именно эта позиция претендует на то, чтобы представлять православие, а по-зиция светлая, радостная, открытая — это позиция неправославная? Мне кажется, что преп. Серафим Саровский — один из замечательных русских святых, живших уже в близкое к нам время, — больше всего соответствует этой радостной позиции православия, а вовсе не позиции жесткой, опустошающей.

Я, конечно, понимаю, что в Церкви,

как говорится, «мамы разные нужны»; вероятно, каждый должен избирать по-зицию, которая соответствует его устрой-ству, его душе и не должен стараться мимикрировать под какие-то другие стили религиозного поведения.

Отец Александр был одним из тех, кто принадлежит этой линии радостного

православия, православия открытого, православия верного своей традиции, но не осуждающего традиции иные, ценящего в каждом человеке его живую веру, живое обращение ко Христу.

Иногда приходится читать, что отец Александр был реформатором. Нет, ко-нечно, реформатором он не был, служил всегда только на церковно-славянском и даже не вставлял никаких русизмов, как многие сейчас делают (и правильно, на-верное, делают); служил строго по уставу, все делал, как в любых других храмах. Тем не менее, при всех этих строгих рамках, он был настолько привлекателен для людей, поистине неся в себе живого Христа, что люди обращались буквально после одного краткого разговора с ним — потому что он был действительно живым и ярким свидетелем христианской веры Право-славной Церкви.

И еще, возвращаясь к вопросу о па-стырской преемственности. Я думаю, что как пастырь он прежде всего научил меня двум вещам. Во-первых, то, о чем я уже говорил: не оглядываться на то, что плохо, а быть внимательным к тем возможностям проповеди Евангелия, христианской рабо-ты, христианской помощи людям, которые имеются в окружающем нас мире. Сейчас этих возможностей стало несравненно больше, и не нужно фиксироваться на негативных сторонах окружающей дей-ствительности, считать, что из-за этого

мы не можем чего-то сделать. Гораздо больше остается того, что мы можем сде-лать. Поэтому не нужно у себя вызывать паралич какими-то печальными сторо-нами окружающей нас жизни. Во-вторых, это — важность общения с людьми, это проповедь, это исповедь. Отец Александр учил своим примером, что эта работа не менее важна, чем литературная работа. Он умел делать и то и другое, не отдавая приоритета ни индивидуальной работе с людьми, ни литературной работе. Да, он говорил: книга — это пущенная стрела, уже лук опущен, а она продолжает лететь и совершать свою работу; но, с другой стороны, общение с людьми, время, по-траченное на отдельного человека — это не пропащее время.

Конечно, здесь тоже невозможны крайности: можно с каким-то человеком сидеть и всю жизнь обсуждать его про-блемы, а можно что-то коротко сказать ему, помолиться с ним и о нем, придать ему сильный правильный импульс, и тогда действительно что-то сдвинется и в нем самом, и в его проблемах, и дальше он будет работать сам.

Сама гармоничность отца Алексан-дра тоже является для меня своего рода пастырским завещанием.

Я думаю, преемственность заключа-ется именно в этом стиле существования в Церкви.

— А Вы сами обращаетесь сейчас к нему за поддержкой, Вы как-то чувствуете ее?

— Это вопрос очень личный... Все таки, принято вслух говорить об обращении к уже прославленным святым. Но понятно: такого рода обращения к святому пред-шествоуют его канонизации, прославлению. Вот, например, недавно канонизированно-го страстотерпца императора Николая II: его канонизация стала следствием именно таких молитвенных обращений и получен-ной помощи духовной от него как святого перед глазами Божиими. Не канонизация является неким «сигналом»: вот, теперь можно к этому святому обращаться; наобо-рот, она является скорее подтверждением и благословением на дальнейшее обращение. Церковь всегда подчеркивает, что мы име-ем святых прославленных и не прославлен-ных, которых знает только Бог. И здесь, уже в личном плане, отношение человека может быть свободным, если только он не навязывает свои индивидуальные страсти окружающим людям.

Но мне приходилось слышать не-мало свидетельств и от людей, знавших отца Александра, и от тех, кто не знал его при жизни, о помощи, полученной ими в ре-зультате молитвенного обращения к нему. Я думаю, такую помощь может дать и об-ращение к нашим усопшим родителям или другим усопшим, которые при жизни были особенно близки к Богу: это обращение к ним как к непрославленным святым.

Беседовала Марина НАСОНОВА

Священник
Александр БОРИСОВ:

ОН ИЗНАЧАЛЬНО ПРИНАДЛЕЖАЛ ЦЕРКВИ

Окончание. Начало на стр.1

какому-то навету он был удален в другой приход, оказался в очень тяжелых условиях), ему попала книга нашей прихожанки Зои Афанасьевны Масленниковой об отце Александре. И это стало для него настоящим откровением. Он говорит, что не просто читал эту книгу, он ею наслаждался, он получил ответы на мучившие его вопросы. После этого он стал читать книги отца Александра и открыл для себя этот удивительный мир радостного и светлого христианства.

Некоторые полагают, что христианство для отца Александра означало вседозволенность. Сейчас многие люди пытаются представить, что в его понимании православия содержится благословение оккультизма, астрологии и прочего. Ничего подобного.

Необычайно ценя в человеке творческий порыв, дар искать истину, отец Александр никогда резко не осуждал людей, которые увлеклись, к примеру, Штейнером, или астрологией; он деликатно говорил им, что это вовсе не самое интересное, что есть Христос, Евангелие, Православная Церковь, есть замечательное христианское богословие... И поскольку от отца Александра никто не слышал резких отповедей, запретов, обвинений в ереси, то кому-то могло показаться, что это означает одобрение. Но отец Александр всегда хотел, чтобы человек сам пришел к осознанию того, что направление его мыслей, исканий — не самое верное, что существует нечто несравненно более возвышенное и прекрасное.

Противостояние отцу Александру Меню возникло главным образом потому, что он не разделял некой тенденции, которая проявилась с конца 80-х гг., когда давление на Церковь было уже несколько ослаблено — начали открывать храмы, передавать их приходам; это было время, когда начался отказ от атеизма как государственной идеологии.

В такие периоды всегда происходят странные вещи: те, кто недавно были гонимы, занимают уверенную позицию и начинают диктовать свои взгляды другим. Такие люди из гонимых очень скоро превращаются в гонителей. Например, взаимоотношения между разными христианскими конфессиями в СССР были гораздо более терпимыми именно при гонениях (я уже не говорю о 30-х годах, когда в тюрьмах вместе молились священники разных исповеданий), а в условиях

свободы сразу начался раскол, вражда, противопоставление православия другим конфессиям.

Отец Александр Меню не разделял этой агрессивной, самодовольной и горделивой позиции, что только мы, православные, спасемся, а все остальные — еретики. Это было совершенно противоположно его пониманию православия, как и всей его натуре: его открытости, его умению видеть в человеке прежде всего то, насколько он направлен к Богу, — потому что, в конце концов, те различия, которые существуют

между конфессиями, не касаются самого главного, в чем сходятся и православные, и католики, и протестанты: Христос есть истинный Бог и истинный Человек, Иисус есть Сын Божий, пришедший во плоти.

У апостола Иоанна мы читаем: «есть дух Христов и дух антихриста, не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире. Духа Божия (и духа заблуждения) узнавайте так: всякий дух, который исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, есть от Бога; а всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшего во плоти, не есть от Бога, но это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет и теперь есть уже в мире» (1Ин 4:3). Почему для Апостола, как и для нас, это так важно? Потому что Боговоплощение — принцип соединения Божественной и человеческой природы в Господе Иисусе Христе — это основа спасения. Об этом неоднократно говорят отцы Церкви IV—VIII вв.: что не воспринято, то не уврачевано: если Иисус Христос был только ангелом, лишенным

плоти, то она не воспринята, она не обожена, она не уврачевана; если же Христос — истинный Бог и истинный Человек, если в Нем воистину происходит это соединение Божественной и человеческой природы, то значит и мы имеем надежду этого обожения, и идя за Христом, веруя в Него и исповедуя,

причащаясь Святых Христовых Таин, мы имеем надежду на восхождение от греховного человеческого — темного, мрачного, неуправляемого, стихийного — в этот светлый, ясный мир Божьего — мир Славы, Правды, Истины.

Вот основной пафос жизни отца Александра.

В отличие от своих критиков, которые прошли через пионерскую организацию, комсомол, многие — и через партию,

которые прошли через атеистические убеждения и потом пережили поворот, обращение, ничего подобного отец Александр не знал. Он изначально принадлежал Церкви.

Он родился в 1935 году. В месячном возрасте младенца крестил священник катакомбной Церкви архимандрит Серафим (Батюков). Многие священнослужители уходили тогда в подполье, спасая свои жизни, — в 30-е годы расстреливали просто за священный сан. Сейчас опубликованы списки жертв репрессий, расстрелянных и захороненных в Бутыво. В этих списках — огромное число священнослужителей: дьяконы, священники, архиереи, манти-

тые, всеми уважаемые и совсем молодые, никому не известные. Все они расстреляны без всякого повода, без следствия. Потому многие священники скрывались и служили подпольно — по домам, в подвалах, в потаенных местах. Но этому было и еще одно основание: многие священнослужители принципиально не приняли декларацию митрополита Сергия 1929 года, в которой заявлялась, что у нас в стране нет религиозных преследований, нет жертв религиозных преследований, а существуют только жертвы политического противостояния, политические враги новой власти, и что преследуются именно они. Конечно, все мы знаем, что это неправда, что это был жест в сторону власти — такова была цена существования Церкви. Но это не спасло Церковь от преследований. К началу войны 1941 г. на свободе было два или три епископа, несколько сот священников, остальные были либо за штатом и скрывались, либо сидели в тюрьмах, либо были уже расстреляны. В 1943 г., когда Сталин начал открывать церкви, оказалось,

что нет достаточного количества епископов, и из тюрем, из лагерей стали срочно вытаскивать чудом оставшихся в живых епископов, которых везли в Москву и возводили на кафедры.

А в 1945 г., когда патриархом был избран Алексей I, епископы и священники катакомбной Церкви признали его избрание (ведь митрополита Сергия никто не избирал, главой Церкви его назначил Сталин; а Алексей I был избран согласно всем канонам, Собором епископов) и благословили свою паству ходить в московские храмы.

Отец Александр буквально с пеленок принадлежал Церкви. Есть на окраине Сергиева Посада маленький домик. В 30-40-е гг. там совершал богослужения священник катакомбной Церкви архимандрит Серафим. Елена Семеновна Мень с сестрой, Верой Яковлевной Василевской ездили туда из Москвы, привозя с собой маленьких Алика и Павлика. Представьте себе, как трудно им было в те времена проделывать такой путь из Москвы и притом незаметно.

В этих условиях проходило детство Алика, его духовное становление, здесь он познакомился с церковным уставом, был научен чтению, пению. Когда ему было лет пять, вместе с матерью проходили они как-то мимо церкви в Тарасовке — это очень красивая церковь. Вдруг Алик сказал: «здесь я хотел бы служить священником». И через два десятка лет он действительно стал там служить.

Вот такое получилось плавное восхождение — от крещения в младенчестве до служения в священном сане. Не было никаких метаний, обращений, экстазов, а было спокойное ясное движение ко Христу.

Это был человек, вышедший из недр Церкви — не так, как сейчас бывает: окончил философский факультет по специальности «научный атеизм», лет через десять, когда стало модно, обратился, а через пару лет, глядишь, уже всех учит, делит на еретиков и православных...

Конечно, у него были свои собственные открытия: так, он сам для себя открыл замечательного философа Владимира Соловьева, чьи книги он случайно купил после войны. С тех пор Соловьев стал его наставником, учителем философии и богословия.

Уже с 12 лет он начал самостоятельное изучение Библии с помощью той немногочисленной литературы, которая была тогда доступна, главным образом — дореволюционной. И уже тогда у него проявилась такая особенность: желание передать другим в простой, доступной форме то, что прочел сам. Когда Алик учился в 10-м классе, он написал книгу «Чему нас учит Библия».

Это был человек, отмеченный Богом.

Из пастырской беседы
2 сентября 2000 г.

Священник Георгий ЧИСТЯКОВ

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЗАНОВО МИРОВУЮ КУЛЬТУРУ

Среди произведений французской литературы XIX в. есть одно, оставшееся не переведенным на русский язык. Это — «Гений христианства» Шатобриана. Книга была написана после французской революции, после начала реставрации, и адресована она читателю, который в условиях массового атеизма, разрушения церкви, жесточайшего террора уже забыл, что такое христианство. Шатобриан в своей книге не говорит о Евангелии, он даже не касается проповеди Иисуса — он пишет только о богослужении, об архитектуре, музыке, поэзии и т.д., он приводит тексты молитв, песнопений. Шатобриан возвращает своего читателя в атмосферу христианства.

Эту же задачу решал и о. Александр, когда писал свои книги, обращаясь к людям, которые жили при советском строе. Но он справлялся со своей задачей гораздо лучше Шатобриана, который был человеком нецерковным, секуляризованным. Отец Александр — как священник, пастырь, как человек глубочайшей веры, как писатель и ученый — ставил себе гораздо более глубокие задачи. Он обращался к своему читателю, имея в виду не только тех, кто был его современником, но и тех, кто будет жить лет через 15-20 после него. И это одна из его заслуг.

В своих книгах о. Александр аккумулировал все свои знания, опыт веры, писательский дар. Свт. Василий Великий говорил о себе, что для проповеди Евангелия он использовал всю греческую литературу, всю тысячелетнюю греческую культуру, все интеллектуальные богатства языческой культуры. И о. Александр тоже использовал все свои знания и вкладывал их в свои книги. Но не только это: он как бы перечитывает заново всю мировую культуру, пересказывает ее для читателя, размышляя о том, что накоплено человечеством за тысячелетия, с точки зрения христианской веры. К таким обобщениям его читатель 10 лет назад еще не был готов.

Не надо забывать, что вырос о. Александр в уникальных условиях. Он читал богословскую литературу, потому что вокруг него были учителя и пастыри — его старшие современники, — которые знали, любили, умели читать эту литературу, которые сохранили знания и представления о мире с дореволюционных времен. Но в своем поколении, я не побоюсь этого сказать, он был *единственным*, кто обладал такими познаниями и имел такой интерес к религиозной, богословской литературе. В старшем поколении, безусловно, таких людей было немало. Могу вспомнить Льва Ивановича Красовского: ему 87 лет,

он на 20 лет старше о. Александра; незадолго до войны его посадили за чтение Вл. Соловьева. Или, скажем, люди младшего поколения, например, Сергей Сергеевич Аверинцев. Но поколение между Красовским и Аверинцевым было совершенно лишено всех этих знаний и не могло даже интересоваться этим. О. Александр резко выделяется на фоне своего поколения. Он действительно один, он — уникален.

Разумеется, если бы не его умение направить все свои познания на проповедь, вычленив главное и сконцентрировать на нем внимание читателя, он не был бы выдающимся религиозным писателем, ученым, исследователем. Это одна часть его «я». Второе, и это еще более важно, что он — священник, пастырь. Он был прежде всего священником, который обращался к своему читателю с огромной любовью и опытом веры. Его книги не имели бы такого воздействия, если бы он не служил много лет священником в Новой Деревне.

Главное, пожалуй, заключается в том, что и то и другое было нераздельно в его личности.

Книги о. Александра, за исключением тех, что изданы в Брюссельском издательстве, стали выходить после его смерти. И люди, которые уже прочитали их по первому разу 7-8 лет назад, теперь возвращаются к ним, воспринимая их по-новому. Сейчас интерес к книгам о. Александра возрождается во всем мире с новой силой, — особенно к семитомнику «В поисках Пути, Истины и Жизни».

И еще одно, как мне кажется, важное и характерное обстоятельство. Те люди, которые узнают о. Александра по его книгам, начинают любить его как человека — не только как мыслителя и писателя, но, прежде всего, как пастыря. И это все по той же причине: потому что писатель не отделим в нем от священника, ученый — от пастыря. Он вкладывал в свои книги очень много своего личного чувства, своего понимания, своей веры. Например, книги о. Георгия Флоровского, замечательного писателя и выдающегося богослова, также читаются многими людьми, но о самом о. Георгии из этих книг узнать ничего невозможно, для этого нужно читать воспоминания о нем близких людей, письма и т.д. Что же касается о. Александра Меня, то, читая его книги, даже впервые, многие люди устанавливают с ним личную связь, ощущают присутствие его личности, начинают чувствовать его как человека. При этом его книги дают им реальные знания — знания не устаревающие.

ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ВАС СЕГОДНЯ ОТЕЦ АЛЕКСАНДР МЕНЬ?

— Этот вопрос мы задавали и тем, кто знал отца при жизни, и тем, кто никогда с ним не встречался на земле, людям молодым и пожилым, и совсем юным, с разными характерами и с различным жизненным опытом. Они оказались единомышленниками в одном — отец Александр продолжает действовать в их жизни.

Софья РУКОВА, регент Сретенского храма в Новой Деревне:

— Итак, прошло 10 лет со дня гибели этого невыразимо близкого мне человека, священника, друга.

Меня спросили, что значит он для меня сегодня, спустя эти годы.

Ответ на этот вопрос пришел, как ни странно, именно в этом году, во время моего паломничества в Италию в составе группы милосердия храма Космы и Дамиана.

Такого не было никогда прежде! Не впервые я отправлялась в дальнюю поездку на автобусе. Но впервые случилось так, что нам пришлось сменить за 24 дня... шесть автобусов и семь водительских экипажей.

Оказалось, что первый автобус был практически трехколесным (4-е колесо не отвалилось чудом), второй дважды загорался, третий, четвертый, пятый были итальянскими (а потому они были all right), но у итальянских экипажей мы вызвали откровенную неприязнь, поскольку дважды теряли своих подруг и возвращались за ними спустя немалое время. Наконец, шестой автобус (опять же, наш!), уже на обратном пути, вырвавшись однажды из тоннеля, внезапно оказался на краю обрыва. И снова — ремонт.

Одним словом, все 24 дня были насыщены стрессовыми ситуациями, которые у кого-то вызывали состояние отчаяния, часто слез, длительного разочарования, которое не снималось даже многими чудесами.

И именно в те дни и часы, когда меня кто-то спросил: «Как ты ко всему этому относишься?», — ответ пришел сразу: «Я просто представляю, как бы повел себя в этой ситуации отец Александр».

А он бы сказал: «Все нормально, хрестоматийная ситуация». И просто работал бы и молился, как делал он это повсюду: в электричках и самолетах, в такси и у дверей следователя.

Это и есть главное участие отца Александра в моей жизни.

И еще одно я могу здесь сказать.

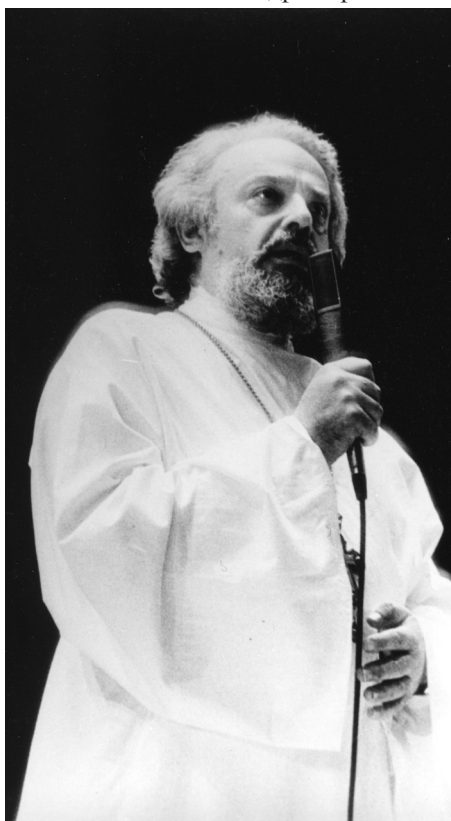
Однажды, в связи с какой-то простой житейской ситуацией,

о.Александр сказал мне: «В своей жизни с очень юного возраста я руководствуюсь одним-единственным вопросом: “зачем?”. Вот и вам, Соня, рекомендую: что бы вы ни намеревались делать (сказать, написать, поступить и т.д.), — задавайте себе вопрос: “зачем?”. И ответ подскажет вам правильное решение».

Лилия Ратнер, художник, искусствовед, преподаватель Общеобразовательного Православного Университета, основанного о. Александром Менем:

— Я пришла в храм Новой Деревни достаточно поздно, хотя слышала об о. Александре и раньше: многие мои

друзья были его духовными чадами. Но тогда я была в совершенно другом приходе. По-

настоящему у меня с ним при его жизни состоялась одна встреча, и то я осмелилась с ним спорить и не соглашаться по поводу вечно интересующего меня вопроса об искусстве и христианстве. Но он был настолько деликатен и выслушивал мою позицию очень терпеливо. И сейчас он для меня живой и всегда присутствующий в моей жизни — и не только через книги. Как ни странно, наш диалог с ним продолжается по сей день, и во многом я его поняла, и стала иначе смотреть на искусство. Кроме того, я постоянно черпаю от него поддержку, и обращаюсь к нему в молитвах, и получаю ответы на многие мои вопросы и проблемы.

Елена Демидова, певчая правого хора:

— Когда мы познакомились, а это было давно, летом 1982 года, день был солнечный и о. Александр был в белой рясе, светлый. Он положил мне на голову руку и благословил меня так тепло, по-отечески. Тогда я еще даже не была крещена, но он уже признал меня как свою духовную дочь, я и претендовать на это не могла. Это меня так потрясло, что я навсегда почувствовала его своим отцом.

Но я считаю, что мне очень повезло именно теперь — так привел Господь, что я стала обрабатывать записи батюшкиных лекций и проповедей — уже целый год я этим занимаюсь, и моя связь с ним восстановилась, стала еще прочнее, чем была. Я и раньше, конечно, слышала его проповеди, хотя на лекции почти не ходила — тогда у меня были маленькие дети. После гибели, которая была ужасным ударом, я так близко его не чувствовала, постепенно он удалялся от меня все дальше и дальше, и через несколько лет почти совсем ушел. А теперь — через голос на магнитофонных записях — он буквально для меня воскрес. Я почувствовала, что он снова для меня очень много значит, что он — мой духовный отец.

Леонид Харитонов, переводчик:

— Я поверил в Бога и понял, что христианство возможно, по двум причинам. Сначала я познакомился с о. Александром Борисовым (тогда еще дьяконом). У меня был шок, когда я узнал, что кандидат биологических наук может быть дьяконом в Церкви. Это было давно, я многого еще не знал и потому для меня это стало потрясением. Меня заинтересовало: как так может быть — образованный человек и служит в Церкви? А потом он познакомил меня с о. Александром Менем, и когда я увидел его, то понял, что значит когда в живом человеке живет Христос. И это, я считаю, случай уникальный в моей жизни. Потом мне удавалось видеть то же в других людях, но фрагментарно, временами. В о. Александре Мене это было постоянное присутствие. Он стал для меня эталоном христианской жизни.

Сейчас я воспринимаю его как святого. И это так для очень многих людей — и не только в нашем приходе. Я знаю, что очень многие люди молятся ему как святому.

Александр Занемонец, филолог

— Меня впервые привезла в Новую Деревню моя мама, когда мне было 3 или 4 года, и я общался с о.Александром вплоть до его гибели в 1990 г., когда мне было уже 14 лет. Конечно, это не настолько сознательный возраст, чтобы особенно думать об этом, но теперь я понимаю, что общение с о. Александром было началом моего обращения и моего воцерковления. И это своего рода фундамент, на котором я могу строить свою церковную и вообще духовную жизнь. Конечно, я не знаю, как бы я сейчас воспринимал то, что делал о. Александр — сейчас и время другое, и люди другие. Но все равно о. Александр для меня остается неким образцом того, каким должен быть христианин, каким должен быть

священник и вообще образованный человек. А жизнь, которая была вокруг него — это образец того, каким может быть приход.

Михаил Черняк, студент РГГУ:

— Мне было всего шесть, когда о. Александр был убит, и мои воспоминания какие-то короткие и обрывочные, я мало что помню. Тем более со временем все воспоминания перепутались — где фотографии, какие я видел, а где мои собственные воспоминания. Но ярко мне запомнился один случай — о. Александр пришел к нам домой. Обычно я выбегал встречать каждого гостя. И я помню, когда он вошел, я попятился назад, потому что мне навстречу двигалась, как мне казалось, солидная черная фигура, в шляпе, с портфелем, я подумал: какой страшный дядя! (Я и теперь люблю гораздо больше его фотографии, где он в белом облачении).

А еще я помню немножко его в храме, в Новой Деревне, на каком-то венчании. Кажется, это был 90-й год. И там он был такой красивый.

Помню еще, когда его убили, я был у бабушки, меня забрал папа и по дороге сказал мне: ты маму сейчас не трогай, потому что ей плохо, потому что убили о. Александра. Тогда я еще не понимал, что такое «убили», до меня не сразу дошло, что его уже нет. Но помню боль, и эта боль от смерти о. Александра навсегда осталась в моих родителях.

Личных воспоминаний мало, в основном мое отношение строится на том, что о нем говорят. И прежде всего для меня много значит то, что о. Александр — духовный наставник моих родителей, и в какой-то степени и мой. Его книги, его проповеди — все его наследие очень важно. В нашей семье мы считаем, что о. Александр молится о нас на небесах, он нас знает и любит, и мы к нему обращаем наши молитвы, и верим, что он предстает за нас.

Мария Кузьмина, актриса, выпускница Миссионерской школы:

— Я пришла в храм благодаря книгам о. Александра. Я стала искать книги о Боге, это нужно было для школы. И сначала мне очень не понравилось, потому что в его книгах все было о Христе, а мне надо было о Боге. Но что-то все же мне в них нравилось — какая-то радость, что ли, и любовь. И постепенно благодаря его книгам я стала входить в Церковь. Из его книги «Таинство. Слово. Образ» я узнала православное богослужение, по его проповедям я постигала смысл праздников.

Позже все воспитание в Церкви я получила через людей, которые его лично знали — через Андрея и Карину Черняков, через наших священников. В них, на каком-то внутреннем уровне, конечно, очень чувствуется его дух. И когда я вижу какую-нибудь запись о. Александра, то понимаю, что он такой родной, близкий, и это родное и близкое очень точно передано мне через людей, которые его хорошо знали.

Александр Кремлев и Анна Марголис — сотрудники фонда им. отца Александра Меня, выполняющие огромную работу по сохранению и подготовке публикаций архивных материалов, и тем самым пребывающие в постоянном и самом непосредственном общении с отцом Александром — через его тексты, аудио- и видеозаписи. Оба они не встречались с отцом Александром при жизни. Оба сейчас не мыслят своей жизни без общения с ним.

Александр Кремлев, помощник старосты нашего храма, психолог, программист, преподаватель МГУ им. Ломоносова:

Мне не довелось знать о. Александра при жизни, и я пытался восстановить его образ, наблюдая людей, на которых эта выдающаяся личность могла наложить отпечаток. Было бы естественно ожидать каких-то общих взглядов, мировоззрений, идеологии. Но не тут-то было: помимо сознания принадлежности к Церкви — той самой, Единой, Апостольской, двери в которую открыл для них отец Александр, — общим для этих людей была лишь их человеческая уникальность, неповторимость даров и, что греха таить, разномыслие, которого порой казалось чересчур много. Как я понимаю теперь, отец Александр помогал каждому идти к Богу своим единственным, неповторимым путем. Он не предлагал стандартных решений. Художник мог рисовать, писатель сочинять, музыкант совершенствоваться в своем искусстве — вера приходила в их жизнь как свободный выбор, придающий смысл как работе, так и всему бытию.

Бог, Которому отец Александр служил всю сознательную жизнь, дал ему для такой непростой паствы особый инструмент — личность с колоссальным человеческим диапазоном. Мне трудно назвать кого-то еще, кто мог бы быть и так весел в компании друзей (он неплохо пел под гитару, сочинял, умел хорошо рисовать), и так серьезен, до суровости, когда дело касалось принципов веры. Он был энциклопедически образован и прост в общении с любым человеком. Он был един во множестве ипостасей, и люди утонченные, знающие его как внимательного и заботливого наставника, возможно, не поверят тем, кто познал на себе его гнев. Размышляя о современной поляризации Церкви, я думаю, что в христоцентричности своей веры он был большим фундаменталистом, чем многие «ревнители традиций» и, в то же время, большим модернистом, чем те, для кого обновление веры видится во внешних изменениях церковной жизни.

Писать об отце трудно еще и потому, что для многих велик соблазн поднять его на щит как добренького батюшку, разрешавшего постом есть колбаску и любившего всех и вся, и католиков в особенности. Иные последователи сделали для его дискредитации больше, чем преследователи. Люди очень ярко помнят великое терпение и любовь, которые нес этот человек, но не все вспоминают, что к концу Великого Поста он заметно бледнел. И если в жизни о. Александра исчезла грань между Церковью и миром, то не за счет обмирщения

Церкви, нет, — речь шла об открытости жизни во всей ее полноте, чтобы эту жизнь одухотворить и придать ей вечное измерение, но путь этот лежит только через крест — слишком много в нашей жизни зла и боли, чтобы излучать радость, не оплаченную страданием.

Как говорила мать Мария, «христианство это или огонь или его нет». Наша Церковь сидела в окопе не годами — 200 лет она была придатком госаппарата, а потом еще 70 лет контролировалась тайной полицией. Стоит ли удивляться, что нам часто нечего сказать миру, кроме: «Христос тебя любит», — когда хорошо, или: «Христос терпел и нам велел», — в остальное время. Жизнь отдельных подвижников может проходить в уединенной келье, и их молитва творит чудеса, но, чтобы завоевать мир, Церковь должна нести весть более громкую, более яркую и, главное, современную, чем это было в XIX веке. Ведь и в физике вода перетекает от большего к меньшему, а не наоборот. А Церковь зачастую оказывалась гораздо «меньше», чем наука, культура, вся жизнь окружающего мира. И в ситуации, когда мир затопляет, так велик соблазн перекрыть канал, загнав пробку традиции и самоуспокоения, но здесь и встает вопрос, кого ты ищешь в Церкви — себя праведного или Бога Живого, ибо праведность самоизоляции есть праведность эскапистская, сильно отдающая нафталином. Христианство, в частности, раннее, дает нам совершенно иной опыт.

Что представляется важным, в отце Александре наметился путь возвращения интеллигенции в Церковь. Сам феномен русской интеллигенции во многом порожден вытеснением людей подлинно духовных, живущих «не хлебом единым», из церковной оградой. Ренессанс «серебряного века» был раздавлен национальной катастрофой; у о. Александра есть замечательный цикл лекций о русских философах: Соловьеве, Трубецких, Бердяеве, Флоренском, Флоровском, Булгакове, Франке, Мережковских, Льве Толстом, матери Марии. Критикуя частности, он ценил главное. Христианство о. Александра не было всеядностью, оно вбирало в себя все многообразие культуры, как белый свет содержит все цвета радуги.

Что касается философских взглядов самого о. Александра, то христианский опыт открыл для него путь духовного персонализма — возвеличения свободной личности человека на основе его понимания как Образа и Подобия Божьего, имеющего в основе своего развития «корневой нравственный религиозный стержень». Открытость миру и другим людям была принципом жизни самого о. Александра.

Еще одна черта этого человека — гармоничность самых разных сфер его существования. Будучи мыслителем мирового масштаба (возьмите, к примеру, выступления в Бергамо или Вайнгартене), он был естественно укоренен в бытовом, бытовом пласте бытия. Одним из самых первых впечатлений от знакомства с семьей о.

Александр
д р а

Меня было то, что это самые обычные мальные люди. О Боге то и дело не говорят, но вера и Церковь для них — неотъемлемая часть жизни. Никакой экзальтации — вера естественна как дыхание.

Будучи глубоко одарен и как проповедник, и как писатель, отец Александр умел, как никто, ценить время. Работал быстро, в любых условиях, даже на пеньке в лесу. Расстраивался из-за всякой потерянной минуты. Общий тираж «Сына Человеческого» уже и не сосчитать, но далеко не все его книги изданы. Сюда же — полтора десятка слайд-фильмов, сотни выступлений (иногда по несколько в день — он чувствовал, что времени дано немного). Сюда же — тысячи крестившихся у него, многие из которых никогда бы не пришли в Церковь или не удержались в ней, если бы не о. Александр. Он никогда не отбирал достойных, не торопился кого-то переделывать. Во многом это объясняет нарекания на духовных чад о. Александра, но справедливо ли обвинять врача, бравшегося за тяжелые случаи и не спешащего кромсать по живому? Он был одновременно строг и нежен. И свято ценил свободу своих подопечных. Никогда никого не осуждал. О спасовавших перед трудностями говорил: «нас там не было». На вопрос: «Батюшка, ну почему вы не скажете, как поступить?», — следовал ответ: «Тогда я сразу кончусь как священник. Я только показываю, где левый берег, где правый, но решать вы должны сами».

С психологами он говорил как психолог, с художниками беседовал об искусстве, с престарелыми и детьми говорил на доступном им языке. Но всегда все его темы, даже среди застолья (я как раз занимаюсь аудиоархивом), быстро выходили к главному, к вечным вопросам: для чего создан человек, куда идет, как войти в Царство Божие здесь и сейчас, а не где-то там за гробом. И дело не только в том, ЧТО он говорил, но все решалось тем, КАКОЙ человек говорил об этом. Я не раз слышал, что при первой встрече он и не проповедовал людям почти ничего, зато говорили они, чувствуя, что вот оно, настоящее, что здесь их ждут, что им — СЮДА. Святость — она не в том, чтобы ошеломить праведностью, встреча с нею самого простого человека поднимает до призвания святого, хоть бы он и помнил при этом о всех своих грехах.

Отец Александр с большим уважением относился к католической церкви (равно, как и ко множеству протестантских), но говорил, что проблема единения церквей не решается на пути личной унии.

Да, он был реформатором, но реформатором гораздо большей глубины, чем многие его последователи в состоянии изобразить. Выступая против косности в церковных стенах, он смотрел на обновление и консерватизм как на две сбалансированные функции здорового организма. Для него не было проблемы изменения формы — он прекрасно служил на церковнославянском, но это были особые службы. Ему незачем было менять внешнее — само пространство искривляется около таких людей. Пришедшие к нему на исповедь порой не могли даже рассказать о своих грехах — настолько те вдруг оказывались мелкими и далекими.

Сказать, что мы наследники Александра Меня, было бы слишком громко. И, конечно, никакой у нас не меневский приход, хотя о. Александр Борисов был другом Александра Меня еще со школьной скамьи. Просто мы возникли благодаря той тонкой струйке духовности, которую Господь сберег сквозь все годы испытаний — через катакомбную Церковь, архимандрита Серафима (крестившего Алика и еще в детстве предсказавшего ему большую судьбу), схиигуменю Марию и многих, многих, кого мы даже сейчас не знаем. И главная наша задача — продолжать это дело терпения святых в череде повседневных дел. Не можем мы никуда воспарить, равно как и основать яркий харизматический островок, не перестав быть плотью от плоти остальной Православной Церкви со всеми ее бабками, юридическими, иерархами, грешными и святыми. Островок Духа Святого надо открыть в своей душе, тогда и говорить много не придется. А внешнее приложится, когда будем того достойны.

Когда отца Александра не стало, Аня Марголис, сейчас студентка-второкурсница (она готовится стать театральным художником), была совсем маленькой девочкой. Но три года назад именно он привел ее в Церковь. Она — одна из тех, кто сегодня без сомнения ощущает себя духовными детьми отца Александра.

Сейчас все свободное время Аня отдает работе в Фонде им. отца Александра — расшифровке аудиоархива, компьютерной обработке фотоматериалов, разной другой кропотливой и незаметной работе, в результате которой издаются книги, выходят аудио- и видеокассеты, и все новые и новые люди благодаря встрече с отцом Александром приходят к Богу.

Мне кажется, эти заметки будут созвучны чувствам многих людей, которые никогда не видели отца Александра лично, но которые пришли к вере благодаря ему.

Я выросла в невоцерковленной семье, и поэтому Церковь с детства вызывала у меня одновременно бла-

гоговейный страх, интерес и презрение — из-за узости мышления и КГБзированнойности того, что мне встречалось под именем «православия». Были два человека, которые казались единственно достойными на этом фоне: священник Александр Мень и папа римский Иоанн Павел II. (О последнем я знала больше; у нас дома на книжной полке стояла — и стоит до сих пор — его фотография). Об отце Александре Мене я слышала только то, что он, «хотя и священник, но очень умный и интеллигентный» и что «он не связан с органами»...

Известно, что вере нельзя научить, ею можно только заразить. И вот в лавке храма Космы и Дамиана, зайдя туда совершенно случайно, я купила книгу Ива Амана «Отец Александр Мень — Христов свидетель в наше время». Я прочла ее за ночь. Эта ночь была первой из тех многих за последние три года ночей, когда были прочитаны «Сын Человеческий», «История религии», «Первые апостолы», «Таинство, слово и образ», и так далее.

Это было началом.

В жизни верующего бывает период веры как убеждения, но затем должна прийти вера опытная, живая — должно произойти то, что митрополит Антоний Сурожский называет встречей. Этот момент, в пересказе абсолютно прозаический, был связан у меня с отцом Александром. Я ехала на дачу и в последний момент схватила с полки сборник его проповедей «Благая весть» — почитать в электричке. Было много народу, за окнами дождь, июль, духота. Я села на корточки и стала читать — и вдруг просто поняла: то, о чем говорит о. Александр, — все это так и есть, и это единственный путь, другого нет, дальше можно двигаться только в эту сторону, пусть ошибаясь, сбиваясь, но повернуть назад уже нельзя.

Существовала и проблема профессионального выбора: потому что в католицизме многое мне очень близко, а в православии многое, что на поверхности, — чуждо. Я металась то в одну, то в другую сторону, каждый раз решая «окончательно и бесповоротно». И тут опять был о. Александр. Служба в деревянной церкви Сретения в Новой Деревне: я почти что удивилась, когда произносить проповедь вышел о. Владимир Архипов, — настолько ощутил там был отец Александр; казалось, после слов «Во имя Отца и Сына и Святого Духа» услышу знакомое «Друзья мои...». Могила отца Александра — крест в духе первых веков христианства, к которому он, казалось, сам принадлежал. Я стояла там долго, но могла бы стоять еще сколько угодно. Когда я поднялась, то поняла: я решила. Православие.

Многие интеллигенты, уважающие о. Александра, считают, что он был таким, каким он был, вопреки православию, а не благодаря ему. Это заблуждение. Отец Александр не был «реформатором» или «модернистом». Некоторые считают деятельность о. Александра — формой диссидентства, но и это несправедливо. То, что он

делал, не сводилось к элементарной оппозиции существующему режиму: в отличие от многих прогрессивных людей своего поколения, он видел, что на простом отрицании ничего построить нельзя. Ведь отец Александр всегда созидал и растил, а не разрушал и уничтожал. А когда что-то было построено и возвращено, — лишнее отпадало само собой. Это ясно видно из воспоминаний многих его духовных детей: как деликатно он вводил их в Церковь и постепенно раскрывал горизонты, которые видны глазами веры.

Когда читаешь о жизни о. Александра, создается впечатление, что читаешь об абсолютно идеальном человеке — святом и остроумном, артистичном и аскетичном, образованном и глубоко религиозном одновременно, — и, странное дело, это не раздражает, нет ощущения ложного образа, прилизанного кумира, упрощенной человеческой схемы. Есть ощущение, что видишь перед собой человека, который имеет «жизнь с избытком». Это может смущать — так как идеальным человеком на все времена является Господь наш Иисус Христос и ничья святость не приближается к святости Господа. Но в этом-то и есть ключ к феномену отца Александра: он никогда не был сам по себе *таким*, он был настоящим орудием в руках Божьих, проводником той самой святости, которой не существует *вне* Бога. Он показал в христианстве то, что часто не замечают, — его масштаб. Благодаря проповедям, книгам и статьям отца Александра понимаешь, что христианство не часть человеческой жизни, что христианство содержит саму жизнь в себе. Поэтому разносторонность интересов и знаний только укрепляла отца Александра в христианстве, а не отвлекала от него; отсюда — оставшиеся в записи лекции о христианстве и культуре, христианстве и науке; нет такого места, где Бога нет. И отец Александр не просто рассказал об этом, он доказал это на собственном примере.

Отец Александр сделал очень много, это все мы знаем, но на самом деле я убеждена, что мы недооцениваем его значения. Он не был каким-то импульсом для определенной эпохи, он не был миссионером только для России, он не был просто духовным отцом тысяч верующих: я считаю, что о. Александр — это вызов всей Церкви (и прежде всего Православной), которая затворилась и заснула возле уютно мерцающей лампадки. Отец Александр хотел быть «христианином не при свечах, а при ярком солнечном свете».

А лично для меня отец Александр — очень близкий человек, к которому можно обратиться, которого можно услышать. Человек, который привел меня в Церковь, а сейчас помогает в ней жить. Человек, о котором хочется рассказывать тем, кто его не знает, или тем, кто слышал о нем что-то абсолютно нелепое. Человек,

Окончание см. на стр. 16

Наталья ТРАУБЕРГ:

КОГДА ДУМАЕШЬ ОБ ОТЦЕ, НОВОЯЗ ОСЫПАЕТСЯ

Когда люди, не знавшие отца Александра, удивляются тому, каким он стал в наших восхвалениях, ответить нелегко. Сразу вынесем за скобки ответ типа «наши» — «ваши»: во-первых, сам отец так не мыслил; во-вторых, удивляются и те, кому бы он очень понравился. Познакомившись с ним тогда, раньше, точно такие же искренние, не выносящие фальши люди радовались, что в нем этой фальши совершенно нет. Речь идет не о прямой лжи, а о том невыносимом привкусе, из-за которого Христос называл фарисеев лицемерами. Они ведь не врал, даже не притворялись, а просто не умели видеть себя, как видели блудный сын или мытарь, а потому — охорашивались, важничали. К нашему вящему позору, многие удивляются, когда у верующих этого нет. У отца Александра — начисто не было. Если забыть, что все христианские слова мы быстро превращаем в новояз, можно сказать, что он был поистине смиренным, вспомнив при этом, что смирение не противоположно смеху, а тесно с ним связано.

Вообще новояз осыпается, когда думаешь об отце. Льюис пишет, что мы бы не узнали настоящих христиан, заметили бы только, что это — веселые и внимательные к нам люди. Правда, некоторые считали отца Александра *слишком* веселым, а кто-то даже сетовал на недостаток внимания, не замечая, что он все время ходит по краю пропасти, себя же отдаст — полностью. Когда ему вроде бы уже не грозили мерзкие советские гонения, его разрывали на части мы, прихожане.

Культовый образ получается какой-то странный, без немоши — а она была, иначе где действовать Божьей силе? — зато со всякими побрякушками вроде «великий библист». Отец вообще не считал себя ученым, а к очень хорошей памяти, редкому умению схватить главное и другим своим дарам относился как к удобным средствам, причем всегда помнил, что они даны ему для дела, в

долг. Мы проецируем на него наши неосознанные качества — мечты о величии, об успехе, о том, как возвысить себя. Но этого мало. Около каждого человека, снискавшего земную славу, множатся рассказы «мы с ним», «я и он», «Я-а-а и он», но все-таки одно дело поэт или художник, другое дело — апостол. Даже Учитель апостолов не предотвратил того, что так хорошо описал в 23-й главе Матфея. Наверное, это входит в игру, Бог — беспредельно деликатен, Он предупреждает, но не заставляет. А мы уже на радостях делаем ровно то, чего Он не просил делать.

Редко кто обладал этой деликатностью в такой мере, как отец Александр. Он ведь, в сущности, далеко не всегда вел нас к слову, к метанойе. Если он видел, что одинокий, неприязненный человек этого не вынесет, он отступал и просто гладил его, повышая так называемый self-image. Казалось бы, такому человеку хватит того, что кто-то тебя все-таки любит, но мы судим по себе и не представляем, что можно любить просто так, ни за что. Поэтому мы так пылко убеждаем и себя, и других, что мы — вполне хорошие. Когда нам старается помочь действительно милосердный человек (а отец был именно таким), получается еще мучительней, чем с блудным сыном. Тот хотя бы знал, что не заслужил любви и помощи.

Если бы мы чаще оказывались в позе этого сына, мы бы не создавали такого нервного, самолюбивого, самохвального культа; и другим было бы легче увидеть, что в самое неподходящее время, в самом неподходящем месте жил евангельский человек. Мало того, они бы увидели, как привлекательны те свойства, которые дают возможность идти по воде. Так и слышу, как кто-нибудь говорит: «ну, это не про нас». По Евангелию — про нас, только мы цены боимся, а отец Александр ее не испугался.

Библейско-богословский институт св. апостола Андрея
приглашает на публичные лекции,
посвященные 2000-летию христианства
и 10 летию со дня смерти о. Александра Меня

14 сентября в 18-00

С.С. АВЕРИНЦЕВ

«ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАРКА»

Адрес: дом-музей Марины Цветаевой, Борисоглебский пер.6

Вход свободный

ЧТО НОВОГО В ФОНДЕ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Интервью с Н. Ф. Григоренко-Мень

— *Наталья Федоровна, что нового в Фонде? Над чем вы сейчас работаете?*

— Прежде всего, Фонд продолжает издавать книги о. Александра. Правда, в этом году работа немного застопорилась: некоторые книги, уже подготовленные к печати, задерживаются с изданием. И все же мы надеемся, что они скоро выйдут в свет.

Мы подготовили к изданию книгу «Отец Александр о себе». Это — собранные вместе фрагменты выступлений, лекций, бесед о. Александра, где он говорит или пишет о себе. Таких материалов немного, так что книга будет небольшая, но содержательная: ведь одно дело воспоминания других людей об о. Александре, а другое дело — когда он сам говорит о себе. Конечно, там будут и его фотографии.

На очереди у нас по-прежнему «Библиологический словарь», который к Новому году должен быть полностью подготовлен к печати. Это очень трудоемкое издание — словарь много-томный, — но практически работа над ним завершена, сейчас дело за иллюстрациями. Конечно, Фонд не сможет его издать самостоятельно, ведь многотомное издание очень дорого, поэтому придется искать компаньонов. Но сделать это необходимо: это огромная работа о. Александра, в ней принимало участие много разных людей; словарь давно ждут читатели.

Скоро будет «Исагогика» — введение в Ветхий Завет; книга эта практически уже подготовлена к печати. Выходит из печати новая редакция комментариев о. Александра к Апокалипсису, или Откровению Иоанна Богослова. Эта книга, к тому же, интересно иллюстрирована.

Нам нужно в скором времени переиздавать и детские книги. У отца Александра есть два пересказа Евангельской истории для детей: один для совсем маленьких — «Свет миру», другой адресован детям постарше, он вошел в книгу «Свет и Жизнь». Уже подготовлены иллюстрации к этим книгам. Есть необходимость и в переиздании книг «Откуда явилось все это?» и «Церковь — соль земли». В книгах для детей сейчас, я думаю, особая нужда.

В перспективе у нас — продолжение публикации аудиоматериалов отца Александра: есть несколько неизданных домашних бесед, обязательно будем издавать общие исповеди (видимо, книга будет называться «Слово перед исповедью»). Эти записи расшифрованы, их тексты представляют большой интерес.

Еще одна важная тема в наследии о. Александра, которая еще почти нигде не звучала, — социальная. У о. Александра есть статья «Социальная позиция христианина». Это тема сегод-

ня очень актуальна. Как вы знаете, только что проходил Архиерейский собор, там эта тема активно обсуждалась, и была принята социальная доктрина Русской Православной Церкви. О многих вопросах, которые рассматривал Собор, отец Александр серьезно задумывался. И очень важно сейчас донести его мысли до читателя. Есть статья «Роль Церкви в государстве», есть даже беседа «Об отношении Церкви к власти» (к сожалению, эта запись очень некачественная, много посторонних шумов, помех — видимо, группа слушателей была слишком велика, но, я думаю, с помощью компьютерной обработки из нее будет возможно что-то извлечь). Мы подумали, что будет интересно выпустить небольшую брошюру, в которую войдут статьи и выступления, касающиеся места и роли Церкви в обществе. Это очень своевременно. Хотя прошло 10 лет и жизнь за это время, естественно, изменилась, но многое из сказанного о. Александром важно и сегодня.

Таковы наши перспективы в области книгоиздательской. Кроме этого, перед Фондом сейчас стоит задача — построить храм в Семхозе. Часовня, которая там выстроена и в которой по благословению владыки Ювеналия совершаются богослужения, уже не вмещает всех желающих. Конечно, нужен настоящий храм, пусть и не очень большой. Со временем там будет целый комплекс, состоящий из храма, часовни и дома прихода. Правда, Фонд, конечно же, не располагает такими денежными суммами, мы должны их изыскать (сейчас эта организационная работа ведется), но мы уверены, что все постепенно устроится. Уже выстроен фундамент дома прихода, и нашелся человек, который согласился поставить фундамент под храм. К десятилетию гибели о. Александра произойдет закладка памятной капсулы в фундамент будущего храма, которую торжественно осуществит владыка Ювеналий. В эту капсулу будет положена грамота, где будет написано: «Сия грамота заложена в основание храма митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием в присутствии губернатора и вице-губернатора Московской области и главы администрации Сергиева Посада». Храм будет освящен во имя преподобного Сергия Радонежского. — Почему выбрано посвящение именно этому святому?

— Помимо того, что это очень почитаемый в русском народе святой и о. Александр очень его любил и чтит, главная причина в том, что храм стоит около исторической тропы Сергия Радонежского: эта тропа соединяла Хотьковский монастырь и Троице-Сергиеву Лавру, и по ней ходил сам

преподобный Сергей. Любопытно, что в Segиево-Посадском районе нет ни одного храма во имя преп. Сергия. Казалось бы, такой почитаемый святой, а в округе нет храмов, ему посвященных. И владыка Ювеналий одобрил и благословил наш выбор.

— *А как обстоит дело с музеем-квартирой о. Александра в Москве?*

— Денег на нее пока что нет. В газете «Русская мысль» был опубликован банковский счет для сбора средств, необходимых для того, чтобы квартиру хотя бы выкупить. Но пока никакого движения нет. Я думаю, это дело будущего. Пока первоочередная задача — храм в Семхозе, а потом займемся квартирой, всему свое время.

Еще один аспект работы Фонда, о котором мне хотелось бы сказать, — это выпуск аудио- и видеокассет. Работа эта осуществляется под руководством Александра Кремлева и идет весьма успешно. Мы выпускаем кассеты, в основном, для реализации в нашем киоске, и весь доход от продажи поступает в фонд строительства храма в Семхозе: ведь приход там очень маленький, дохода от него пока что никакого. Постоянно туда ходит десяток-другой местных старушек. Правда, приходит молодежь, и дети, а по воскресеньям на службы приезжает довольно много людей из Москвы, их становится все больше и больше. Но все-таки, там еще не сформировался такой приход, как, скажем, у нас или в Новой Деревне. Однако приход растет, и мы предполагаем построить храм примерно на 120 мест, подобный Новодеревенскому: ведь сейчас тут часовня площадью 16 кв.метров. Проект выполнил главный архитектор Сергиева Посада.

Главное же — то, что в Семхозе постепенно налаживается настоящая приходская жизнь. Там служит молодой священник, отец Виктор. Он уже показал себя с самой лучшей стороны, его полюбили прихожане. Он вполне справляется с пастырскими задачами, а теперь будет заниматься и строительством. Будем надеяться, что со временем о. Виктор станет настоящим пастырем, достойным памяти о. Александра.

Еще одно важное мероприятие, в котором принимает участие Фонд, это открытие памятника о. Александру у здания Библиотеки Иностранной литературы — оно состоится 8 сентября. К скульптурным портретам о. Александра все относятся по-разному, многие считают, что он на них не похож на себя. Когда мы установили барельеф с портретом о. Александра возле калитки дома в Семхозе, он тоже многим не понравился. Но сейчас все привыкли, много людей приходят к дому, приносят цветы, молятся, и им важно, что там теперь есть портрет отца Александра, людям это оказалось нужно. Так же и в библиотеке. Ведь библиотека занимается просвещением, и отец Александр много делал для просвещения народа.

Беседовала Ирина ЯЗЫКОВА

Прот. Александр МЕНЬ

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕНЧАЮЩИМСЯ

Итак, дорогие мои, я вас поздравляю с сегодняшним очередным торжественным днем вашей жизни, когда Божье благословение пришло на ваш новосоздающийся дом. Но когда человек начинает строить дом, он должен знать правила этого строительства. Иначе, построенный на слабом основании, дом может завалиться. И вот первое и основное, о чем нам говорит Священное Писание, жизнь, мудрость Божеская и человеческая: о том, что все строится на любви. Если вы будете сохранять взаимную любовь — ее можно сохранять очень долго, всегда, — то тогда вам легко будет перенести всевозможные бури и напасти. Обычно людям желают, чтобы они прожили безоблачно счастливо. И вам сегодня, наверное, многие будут этого желать. Я вам, однако, желать этого не буду, потому что не бывает так, чтобы у людей не было трудностей, трений, испытаний. Но пожелаю, чтобы вы сумели все это перенести твердо и мужественно и с честью выйти из всех этих темных полос вашей жизни. Итак, любовь, которую вы сегодня увенчали желанием идти вместе по одной дороге. Любовь означает не что-то, что вы получили, а нечто, что вы будете укреплять и создавать. Каждый из вас должен стараться быть для другого всем. Не ждать от другого чего-то, не

быть потребителем, не быть, так сказать, праздным господином или госпожой друг другу, а каждый должен отдавать другому все. Тогда вы будете счастливы. Потому что счастливый человек — это тот человек, который нужен другим, который себя другим отдает. Это распространяется и на семью. Вот сегодня вас обручали кольцами. Они означают бесконечность, вечность. И это значит, что любовь, нежность друг к другу сохраняется невзирая ни на что — если вы будете стараться это делать. И может сохраниться вечно. А вот венцы, которыми вы сегодня увенчаны, означают, с одной стороны,

радость, с другой стороны — те испытания, которые вам предстоят. Но человек потому и человек, что он готов преодолеть, победить, стремиться вперед. И вот сегодня помощь Божия дается вам для того, чтобы преодолеть все злое в вашей жизни и сохранить радость сегодняшнего дня навсегда. И чтобы Божие благословение было над вами в эти дни. В знак этого вы пили из общей чаши. Отныне вы — одно существо. Первая ступень родства между людьми — это дети и родители. А муж и жена — это не ступень родства разных людей, это — одно существо. Делите радость и горе — об этом говорит нам общая чаша. Если вы будете это делить, тогда и сохраните главное, что есть в вашей жизни, — любовь друг к другу.

*Друзья! У нас на клиросе произошло знаменательное событие:
2 сентября на свет родилась*

НОВАЯ СЕМЬЯ!

Здоровье новорожденной, по всем признакам

(Звонкость голоса, блеск глаз и проч.), великолепно,

равно как и на-

строение. Поздравляем наших дорогих ДМИТРИЯ и АННУ

с самым радостным событием их жизни.

Оба они — замечательные люди и замечательные супруги. Теперь им предстоит испытать свое трудолюбие в самом, наверное, непростом деле — создании семьи. Но мало какой труд найдется благодатнее этого!

МНОГАЯ ЛЕТША!

УСПЕНИЕ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

28 (15) августа

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Есть легенда о том, что перед смертью Матери Божьей, перед Ее Успением, также как и в дни Благовещения, Ей явился ангел Гавриил и принес белые благоухающие цветы, цветы, напоминающие о блистании неба, о вечной жизни, — так гласит Предание.

Может быть, так и не было на самом деле, но Предание имеет свой смысл: мы верим и убеждены, что в последние дни своей жизни Матерь Божья стремилась соединиться со своим Сыном. Поэтому и предвестие смерти, предчувствие конца жизненного пути и того, что Она вновь с Ним встретится, были для Нее, подобно Благовещению, Радостной Вестью.

И вспоминаются слова, на этот раз уже не из Предания, а слова апостола Павла, который говорил: «Хочу освободиться и быть со Христом». В самом деле, здесь нас отделяет от Него не только стена наших грехов, но и наша телесная слабость, и немощь, и все земное. И нам кажется, что если мы это преодолеем, то встретимся с Ним. Но это только кажется. Потому что Господь ждет нас не только за стеной смерти, но и за каждым поворотом жизни.

Он обитает здесь, с нами! И Она, Матерь Божья, также была в земной жизни с Ним, просто Ее ожидала высочайшая и радостная встреча, потому что она — Его мать, Царица Неба. И Ее смерть мы даже не называем смертью, а называем сном, Успением, потому что Она первая среди людей обрела бессмертие души и тела, воздвигнутая Господом.

Церковь верит, что нигде нет Ее останков, нет Ее костей в земле. Мы знаем, что у величайших святых есть гробницы, мощи, есть нетленные и тленные останки, но мы верим, что мать Божья их не имеет, ибо Она была храмом Творца, храмом Слова Божья, Матерью, вскормившей и державшей на руках нашего Господа, и тело Ее стало Божественным Храмом и было вознесено.

Вот почему сегодня мы празднуем и, расставаясь с Ней, в радости находимся и говорим, что Она в рождении осталась Девой, а в смерти осталась с нами подобно Ее Сыну. «Во Успении мира не оставила еси Богородица» — это особый дар, который Ей дан, чтобы Она, уйдя в иной мир, продолжала молиться за всех живущих.

Поэтому не смерть, а Успение! Как бы вознесение Ее перед очами Божиими. Вот почему праздник для нас сегодня.

Но мы также ожидаем этого мощного призыва Божья, когда и нас, грешных и слабых, согнутых немощами и грехами, Он воздвигнет к Себе —

и умрет в нас тленное, слабое, старое, обветшалое, греховное, а возродится вечная юность в Царстве Божьем.

Вечная юность! Потому что немощь, болезнь и старость — это братья и сестры смерти, а там смерти уже не будет. Но уже здесь, сегодня мы несем в сердце залог этого, потому что мы видим Матерь Божью вознесенной. Она над нами, и Она среди нас, и Сын Ее действует по Ее молитвам, ибо Она Заступница рода христианского. Аминь.

Прот. Александр МЕНЬ

НЕРУКОТВОРНЫЙ ОБРАЗ

29 (16) августа — перенесение Нерукотворного Образа Господня в Константинополь

Этот образ называют «иконой икон», и это не случайно. Ведь происхождение его связано с чудом.

В предании, широко распространенном на христианском востоке, говорится, что в I в. в Сирийском городе Эдессе правил царь Авгарь. До него дошел слух об Учителе из Палестины, исцеляющем людей и творящем чудеса, которых человек сотворить не может. Царь был неизлечимо болен проказой, и он поверил, что этот необыкновенный Человек исцелит его. Авгарь написал письмо Иисусу и отправил к Нему своего слугу, Ананию. «Если привести не сможешь, — сказал он слуге, — по крайней мере, напиши портрет Учителя».

При встрече с Иисусом Христом, Анания понял, что никогда не сможет изобразить Его лицо, столь оно было неуловимо и прекрасно. Но как выполнить наказ царя? Видя сомнения слуги, Иисус подозвал Ананию и велел принести воды и чистое полотенце, умывшись, вытер лицо полотенцем, и вдруг на нем — нерукотворный — изобразился Его лик. С этой тканью Анания вернулся в Эдессу, и царь, приложившись к нерукотворному Лику, исцелился от болезни.

Как величайшую святыню хранили жители Эдессы этот образ — царь повелел установить его над воротами города, чтобы всякий мог видеть его и получать исцеление. Но один из потомков Авгаря, впавший в идолопоклонство, приказал снять изображение с ворот. Тогда Эдесский епископ, дабы не осквернилась святыня, решил спасти Нерукотворный образ. Он заложил нишу, где помещался Образ, кирпичами. И вскоре жители Эдессы забыли о чудесном Образе. Но Господь Сам напомнил им о нем.

В 545 г. персидский царь Хосрой осадил Эдессу, епископу Евлавию

во сне явилась Пресв. Богородица и повелела достать из замурованной ниши Образ, чтобы жители молились перед ним о спасении города. Когда Евлавий открыл нишу, он увидел, что Образ был невредим, а перед ним горела лампада. Более того, на кирпичной кладке отпечатался такой же Лик. (Отсюда и в иконографию вошло несколько вариантов — т.н. «Спас на убрусе», т.е. «на полотенце» и «Спас на чрепии», т.е. на черепице, на кирпиче).

В 630 г. Эдессой завладели арабы, а Образ христиане хранили, дабы не осквернилась святыня. В 944 г. император Константин Багрянородный выкупил этот Образ у эмира и с почестями перенес его в Константинополь. 16 августа Нерукотворный Образ был поставлен в Фаросской церкви Пресв. Богородицы.

Но в XIII в. Образ исчез. Есть несколько версий его дальнейшей судьбы. Согласно одной, он был похищен крестоносцами во время разорения Константинополя в 1204 г., но корабль, на котором везли святыню, потерпел кораблекрушение в Мраморном море и затонул. По другой версии, крестоносцы передали его в Геную, где он хранился в монастыре св. Варфоломея (упоминается в 1362 г.).

Многие современные исследователи считают, что хранящаяся в Турине Плащаница и есть утраченный Нерукотворный Образ Спасителя.

Безусловно, изображение на Плащанице сделано не руками человека. Но в восточнохристианском предании не

говорится о страстях Христовых, тогда как на Туринском полотне мы видим все тело со следами пыток и крестной казни, какие претерпел Спаситель. Некоторый свет проливает легенда, бытующая в христианской Европе с эпохи Средних веков, о том, что когда Иисус шел на Голгофу, неся крест и обливаясь кровавым потом, одна праведная женщина, Вероника, проявила жалость к Нему и, сняв с головы платок, отерла измученное лицо Христа. И тотчас на платке — нерукотворно — изобразился лик со следами страданий. (Эта иконография известна на Западе и в русском искусстве с XVII в. под названием «Плат св. Вероники»).

Так или иначе, Восток и Запад одинаково чтут Нерукотворный Образ Спасителя. И каждая икона содержит помимо человеческого искусства нечто нерукотворное, выходящее за рамки искусства — это присутствие Самого Бога, а икона является только знаком этого присутствия среди нас.

Невидимый, непостижимый Бог однажды воплотился, Он пришел к нам в образе Иисуса из Назарета.

«Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его», — говорит апостол Иоанн Богослов. Невидимый Бог становится видимым во Христе Иисусе. Апостол Павел так и называет Христа «образом (иконой) Невидимого Бога». Ведь благодаря Боговоплощению и стало возможно искусство иконы и иконопочитание.

На иконе «Нерукотворный Спас», как правило, ничего не изображено, кроме лика Иисуса Христа, окруженного кругом нимба (Божественное сияние Славы) и креста (символ крестной смерти и искупительной жертвы), да букв — славянских ИС ХС (Иисус Христос) и иногда — греческих, обозначающих имя «Сушый» (то, которое Господь открыл Моисею на Синае). Но в этом скупом, на первый взгляд, изображении содержится вся полнота откровения о тайне Боговоплощения, спасительной для людей: Бог, говоривший к пророкам в Ветхом Завете, явлен нам в Новом Завете в личности Иисуса Христа, Господа и Спасителя нашего. Как писал преп. Иоанн Дамаскин: «Я увидел человеческое лицо Бога, и душа моя была спасена!»

ВЛАДИМИРСКАЯ ИКОНА БОЖЬЕЙ МАТЕРИ

8 сентября (26 августа)

Церковное предание гласит, что этот образ был написан евангелистом Лукой при жизни Пресв. Богородицы. Она же Сама и позировала художнику, а рукой его водил ангел, доска же, на которой запечатлен образ, была той, что служила Спасителю на Тайной вечере столом.

Конечно, это всего лишь благочестивая легенда, возникшая в Средние века, но в ней столько любви к Матери Божьей и такое глубокое почитание Ее образа, что можно только умилиться, сколь наши предки были простодушны и наивны, приписывая ту или иную икону самому апостолу и евангелисту Луке, ведь он написал Евангелие, в котором более всего говорится о Богородице.

Согласно Лаврентьевской и Ипатьевской летописям эта икона была привезена из Константинополя во второй четверти XII века в Киев в дар от Константинопольского патриарха Луки Хризотерга киевскому князю. А княжил в тот год в Киеве Юрий Долгорукий, тот самый, что считается основателем Москвы. Икона эта была написана лучшими мастерами-иконописцами, скорее всего непо-

средственно в Константинополе, при дворе императора или в мастерских Патриарха. Уже в Киеве она прославилась как чудотворная.

В 1157 г. сын Юрия, князь Андрей Боголюбский, уезжая из Киева в Северо-Восточную Русь на княжение, взял с собой и чудотворную икону. Известно, что Матерь Божия сама избрала место пребывания Своей иконы: в десяти милях от Владимира обоз с иконой остановился и никакой силой его не могли сдвинуть с места. Нарек Андрей это место Боголюбово, построил там дворец и монастырь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, поместив туда и чудотворную икону. Чуть позже, он перенес икону в новый только что выстроенный Успенский собор во Владимире. Здесь икона простояла почти два века. Отсюда и ее наименование — Владимирская.

Многими чудесами прославилась Владимирская икона Божьей Матери: шесть раз спасала она Русь от татар. Самым большим чудом считается чудо 1395 года, когда по молитвам москвичей Богоматерь заставила грозного Тимура (Тамерлана) повернуть от пределов Москвы.

Тогда столице угрожало новое страшное разорение (незадолго перед этим, в 1382 г. хан Тохтамыш сжег Москву дотла), москвичи попросили митрополита Киприана разрешить принести в Москву из Владимира чудотворный образ Богородицы. Торжественно встречали икону москвичи. Принесли ее в Успенский собор и несколько дней и ночей молились перед образом Пречистой Богородицы. И услышала Богородица, и отвела беду. Было это 26 августа (по ст. стилю) и с тех пор установлено в календаре празднество в честь чудотворной иконы Владимирской, а сама икона так и осталась в Москве.

До XX века Владимирская оставалась в Успенском соборе Кремля, за что собор москвичи и прозвали «Домом Богородицы» (нередко так величали и Москву). Только однажды покидала икона «свой дом» — в 1917 г., во время Поместного Собора Русской Православной Церкви, при избрании Патриарха. Древняя икона

стала свидетельницей восстановления Патриаршества и избрания Святейшего Патриарха Тихона. А год спустя, когда большевики стали разорять церкви и грабить монастыри, Владимирская икона, как национальное достояние, была взята в Третьяковскую галерею. И, надо сказать, в те времена это была лучшая участь для нее, ведь икона осталась жить, ее не продали за границу, не кинули в костер. Напротив, в Третьяковке Владимирскую исследовали, реставрировали: почистили от поздних поновлений, укрепили красочный слой, ее тщательно изучили. Музейные сотрудники берегли ее, потому что понимали, сколь высока ее культурная ценность.

Сегодня общество научилось ценить и духовные ценности. Церковь справедливо потребовала от государства вернуть награбленное церковное имущество, а уж в первую очередь — святыни. Многие иконы уже отданы в храмы из запасников и хранилищ музеев. Перенесли в храм и Владимирскую. Много было споров по этому поводу. Ведь музейные сотрудники, реставраторы и искусствоведы не напрасно боялись отдавать икону, ведь она требует постоянного наблюдения и особых условий хранения. Ведь святыне 800 лет! А это возраст немалый. Я думаю, не без помощи Своей Божьей Матери было найдено компромиссное решение — Владимирскую икону перенесли в храм св. Николая в Толмачах, что при Третьяковской галерее. Здесь икона находится под присмотром реставраторов и научных сотрудников и, в то же время, она — в храме, участвует в Литургии, и верующие могут молиться возле нее.

Ирина Языкова

Джованни ГУАЙТА:

Слово о. Александра звучит по всему миру

— Расскажите, пожалуйста, в каких странах и на какие языки переводились книги о. Александра?

— Больше всего переводится на другие языки «Сын человеческий». Хронологически первыми были переводы на польский и армянский языки. Когда я перевел ее на итальянский, книга попала на Франкфуртскую книжную ярмарку и разошлась неожиданно быстро. Потом появился перевод на французский, и во Франции эта книга, изданная меньше года назад, выдержала уже три тиража — для Франции это неожиданно большой успех и довольно большой тираж.

Существует также перевод на португальский язык, он был сделан для Бразилии. Там у книги успех просто потрясающий: она разошлась тиражом 70 (!) тысяч. Это бум какой-то! Такие тиражи были только когда-то в Советском Союзе, — в Европе таких тиражей и не бывает. В Бразилии о. Александра вообще очень почитают, просто как святого.

Недавно «Сын человеческий» переведен на румынский язык. И там тоже, насколько я знаю, книга пользуется большой популярностью. Сейчас уже готов перевод на испанский, который вот-вот — буквально через пару недель — выйдет в Аргентине. Готовится перевод на немецкий язык. В «Союзе православной молодежи» при Антиохийской церкви делается перевод «Сына человеческого» на арабский.

— А переводятся ли другие книги

о. Александра?

— Насколько мне известно, существует французский перевод книги «Истоки религии». Институт религий переводит ее на другие языки.

Готов, но еще не издан французский перевод книги «Отец Александр отвечает на вопросы». Перевод готовили в Швейцарии и во Франции. По-французски изданы также «Практическое руководство к молитве» и «Христианство только начинается» — сборник лекций и проповедей о. Александра, который составили французы с помощью о. Игнатия. Подобный сборник есть по-английски, он называется «Христианство в XXI веке». Сборник «Магия, оккультизм и единобожие» издан в польском переводе.

На самом деле, переведено уже очень многое и все это осуществлено, в основном, после смерти о. Александра. Книги его пользуются огромным успехом в мире. Их с большим интересом читают и католики, и протестанты, и люди, не принадлежащие ни к какой церкви.

— Расскажите, пожалуйста, о конференции, которая только что завершилась во Франции.

— Конференция, проходившая в самом центре Парижа, называлась: «Александр Мень — православный священник, писатель, пророк и мученик». Присутствовали представители множества разных церквей. Конференцию почтил своим вниманием сам кардинал Парижский, монсеньер Люстиже: он выступил с теплыми личны-

ми воспоминаниями об отце Александре. Выступил также владыка Иннокентий, епископ Московского Патриархата в Париже, который сказал: «Я знал отца Александра как проповедника, как богослова, интеллектуала, но я не мог предполагать, и я удивлен, что его служение вышло за пределы Православной Церкви».

Выступали на конференции также православный священник, который служит в Париже, о. Михаил Евдокимов, он говорил об о. Александре как священнике, а Павел Мень рассказал о нем как о брате, рассказал о своей семье; замечательные свидетельства привели в своем выступлении дьякон Владислав Трёмбовельский и его жена Юлия, — бывшие прихожане храма свв. Космы и Дамиана, которые теперь живут во Франции. Ив Аман, написавший замечательную книгу об о. Александре, посвятил свое выступление его жизни.

Игумен Варсонофий, православный француз, выступил с докладом о взаимоотношениях Русской Православной Церкви с другими церквями. Интересным было выступление Видье Рансе об о. Александре как мученике XX века. О. Даниэль Анж говорил о пророческой харизме о. Александра. А

Дж. Гуайта — известный итальянский филолог, доцент Московского Лингвистического Университета, переводчик книг о. Александра Мень на итальянский и французский языки.

А ЧТО ЧИТАЮТ У НАС?

Как расходятся книги отца Александра в нашем киоске? Об этом нам рассказывают работающие там сестры.

Лидия Яровитчук:

— Как-то к нам в киоск обратилась женщина, которая не знала, что купить, и я посоветовала ей купить книгу «Свет и жизнь». Ведь когда человек начинает читать Евангелие, то он не всегда все понимает: в одном Евангелии рассказывается об одних эпизодах жизни Иисуса, в другом — о других, и непосто с первого раза разобраться. А в этой небольшой книжечке для школьников представлены все этапы жизни Спасителя, все сразу встает на свои места. Она сначала упорно не хотела ее брать, но я ее убедила: возьмите и вы не пожалеете. Так потом и вышло.

А сейчас в основном приходят студенты, покупают книги о. Александра по истории религии. Вообще много покупают его книг, и даже дорогие книги быстро расходятся. Часто спрашивают, например, трехтомник «Как читать Библию», покупают Библию с комментариями о.

Александра (т.н. «Брюссельскую»): хоть это и одна из самых дорогих книг в нашем киоске, но там прекрасные комментарии, таблицы. Ну и, конечно, хорошо берут книгу «Сын Человеческий». Таким покупателям я всегда советую купить книгу «Первые Апостолы» — как продолжение «Сына Человеческого».

Иногда к нам приезжают люди из других городов и покупают эти книги десятками экземпляров. К сожалению, они обычно не могут себе позволить приобрести дорогие издания и берут чаще всего «Сын Человеческий» в мягком переплете.

У нас много аудиокассет — записи церковных хоров, литературно-музыкальные духовные композиции и т.д., но ни одна из кассет не пользуется таким спросом, как лекции и проповеди о. Александра. Их становится все больше, потому что его архивы постоянно в работе.

А я очень люблю вот эту большую книгу — «Сын Человеческий»

с иллюстрациями Поленова. Она, конечно, дорогая, но так замечательно оформлена! Ее чаще берут для подарка. А я иногда, когда на сердце тяжело, сяду дома в кресло и эту книгу листаю. И вся тяжесть как-будто спускается куда-то с моих плеч. Легче становится.

Маргарита Кочеткова:

— В наш храм однажды пришел художник из Австралии с сыном. Увидев портрет о. Александра на одной из книг, он едва не заплакал. Я заметив слезы в его глазах, поняла, что он здесь не случайно. Разговорились; выяснилось, что он, оказавшись в Москве по своим делам, специально разыскивал наш храм, чтобы привести сюда сына. Для него о. Александр стал тем человеком, через которого он пришел ко Христу. Конечно, он не знал лично о. Александра, но читал его книги, в частности, «Сына Человеческого». И наш храм стал для этого человека ниточкой, связывающей его с о. Александром. Узнав, что здесь находится Фонд, председателем которого является брат о. Александра, он

НОВОМУЧЕНИКИ РОССИЙСКИЕ

СВЯЩЕННОМУЧЕНИК МИТРОПОЛИТ
ВЕНИАМИН ПЕТРОГРАДСКИЙ

Когда обрушился на Россию 1917 год, перевернувший с ног на голову всю страну, митрополитом в Петрограде был Вениамин. Избрание его из викарных епископов состоялось как раз в этом страшном году. Владыка Вениамин пользовался большой поддержкой народа, в частности, за его избрание проголосовали почти все рабочие Петрограда (в то время епископов избирали голосованием). А любили его люди за простоту и близость к простому человеку. Будучи в епископском сане, он охотно по просьбе людей отправлялся на требы в самые бедные кварталы рабочего Петрограда. Приемная его постоянно была полна народа, и он выслушивал всех, никто не уходил без утешения. Вениамин не был блестящим оратором, проповеди его были чрезвычайно просты, но именно это и привлекало к нему самые широкие слои населения. Буквально толпы наполняли храм, когда владыка служил литургию. Даже среди иноверцев митрополит Вениамин пользовался уважением, среди них были у него довольно близкие друзья, ценившие его простоту, доброту и кротость, и нередко приходили к нему за духовным советом.

В 20-е годы большевики стали проводить все более и более жесткую политику по отношению к Церкви, видя в ней самого главного своего врага. С особой жестокостью проводилась ими

попросил позволения пройти туда. Они долго разговаривали с Павлом Вольфовичем, и этот австралиец пожертвовал на издание книг о. Александра довольно значительную сумму.

Конечно, бывают разные моменты, например, приходят люди, которые не принимают о. Александра и даже агрессивно настроены. Раньше меня это шокировало, а теперь я поняла: это означает, что его дело угодно Богу. Обычно людей, резко отрицательно настроенных против о. Александра, я спрашиваю: «что вы читали из его книг»? А они говорят: «я ничего не читал и читать не буду!» Что тут можно сказать? Обычно я робко советую: вы все-таки попробуйте почитать. В такой ситуации я обычно советую: почитайте хотя бы брошюру «Быть христианином», она небольшая и стоит недорого. На меня эта тонюсенькая книжечка производит всегда огромное впечатление — словно я прикасаюсь к Господу.

акция по изъятию церковных ценностей, которые должны были идти якобы на нужды голодающих Поволжья, на самом же деле шли за границу, а вырученные деньги тратились на оружие для репрессивных органов.

Естественно, этой акции церковные люди противились, потому что т.н. ценности были для Церкви святынями — это Евангелия (прежде всего золотые и серебряные оклады), ризы икон, церковная утварь, но страшнее всего, что в этот разряд попадали и литургические сосуды. Нередко большевики врывались в храмы и желали сами все описать и изъять, не гнушась при этом прямым святотатством. Владыка Вениамин не хотел, чтобы неверующие люди входили в храмы и распоряжались там. Он обратился к властям с просьбой позволить Церкви самой определить, что она может пожертвовать для голодающих из своего имущества: тем самым будет соблюден закон и можно избежать осквернения храмов и оскорбления чувств верующих. Но большевики не позволили этого. Они видели в предложении митрополита саботаж и контрреволюционные действия. Для них, что бы ни говорил владыка, он был враг и, следовательно, все его слова могли их только раздражать. К тому же им не нравилось то, что Вениамин пользуется любовью простого народа.

Несколько раз митрополита Вениамина вызывали в Помгол (Комитет помощи голодающим) и пытались вынудить его провести акцию по изъятию ценностей на условиях, предложенных большевиками. На это владыка говорил, что он готов своими руками снять ризу с иконы Божьей Матери Казанской и с других икон и пожертвовать эти сокровища для голодающих, и что многие храмы готовы пожертвовать для нуждающихся братьев золотую и серебряную утварь, но это должно быть вполне добровольно и по согласованию с каждым храмом. На это он, как архипастырь, готов был благословить верующих. Но это никак не входило в планы большевиков: помимо изъятия ценностей (что, конечно, должно было материально ослабить Церковь), им нужно было морально уничтожить противника. Известно, что в некоторой степени это им удалось: именно в ходе кампании по изъятию церковных ценностей обнаружились первые признаки раскола, переросшего вскоре в обновленчество.

Как мог, митрополит Вениамин сопротивлялся надвигавшимся событиям, которые нарастали лавиной, и эта лавина должна была смести противостоящего ей. В конце концов,

владыка был арестован и обвинен в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Это случилось весной 1922 г. Сначала его посадили под домашний арест, а затем — отправили в тюрьму ЧКа. Вместе с ним по делу проходило 86 человек.

10 июня 1922 года в зале петроградской филармонии (бывшее дворянское Собрание) на углу Михайловской и Итальянской улиц собрался на заседание Революционный трибунал. Огромная толпа собралась на улице, зная, что судить будут вместе с другими и владыку Вениамина. Несколько десятков тысяч людей стояли под окнами суда в течение нескольких часов, пока шло разбирательство. Люди стояли молча, и эту молчаливую демонстрацию не смогла разогнать милиция. Когда появилась карета, подвозившая митрополита Вениамина, толпа загудела, и вдруг все, как один, опустились на колени и закричали: «Спаси, Господи, люди Твоя». Митрополит благословил из окна людей. Все плакали.

Когда на суде митрополиту Вениамину предложили сказать последнее слово, он говорил не о себе, он говорил о тех, кого судили вместе с ним, доказывая, что они ни в чем не виноваты, обращаясь к властям с увещанием, чтобы невинные люди были отпущены. О себе же владыка не сказал ни слова: он отдал свою судьбу полностью на волю Божью. Тогда судья обратился к нему со словами: «Что вы можете сказать в свою защиту? Разве вас не интересует ваша судьба?» На это владыка ответил так: «О себе? Что же я могу сказать о себе? Разве лишь одно. Я не знаю, что вы мне объявите, жизнь или смерть, но я с одинаковым благоговением обращаю свои очи к небу, возложу на себя крестное знамение (при этом он перекрестился) и скажу: «Слава Тебе, Господи!»» Слова владыки произвели огромное впечатление на всех присутствующих. Но большевиков такое смирение только раздражало.

Суд приговорил митрополита Вениамина Петроградского к смерти. В ночь с 25 на 26 августа (по старому стилю — с 12 на 13) 1922 г. владыка Вениамин и еще девять человек, проходящих по этому делу — священнослужителей и мирян, — были расстреляны под Петроградом.

Ия ГЛОСС

Окончание. Начало на стр. 8

мнение которого для меня наиболее авторитетно.

Отец Александр всегда говорил: в православии нет такой энциклопедии, такого справочника, который открываешь на любом понятии — и тебе ясно дается определение, как к этому следует относиться. Но я, разумеется, в шутку, считаю, что такой справочник есть — ярко-зеленый под названием «Отец Александр Мень отвечает на вопросы».

Каждый день отец Александр как-то проявляется в жизни — своими текстами, приходящими на память высказываниями. Очень важно, что у нас в приходе многие знали о. Александра лично, и в них, безусловно, он как-то отражается. Хорошо приходит вечером в храм после института и прочей беготни и слушать с магнитофона в записи его ставший уже родным голос, рассказывающий про рафаэлевскую Мадонну, апостола Павла, перестройку, Стругацких или перевод древних текстов, когда вдруг в самой интонации отчетливо слышишь улыбку. Или перечитывать «Сына Человеческого» или «На пороге Нового Завета».

В моменты сомнений, которые приходят как испытания личной веры, я думаю: «Ведь о. Александр Мень все эти мои ничтожные доводы знал ничуть не хуже меня — но это не мешало ему верить и служить в Церкви!» И все встает на свои места.

Об отце Александре Мне надо сказать просто: он был христианином. На первый взгляд, этого может показаться недостатком, — но лишь потому, что мы привыкли называть христианами себя, забывая о том, что христианами Дух Божий не хулится, а прославляется (1 Пет. 4:16).

Это человек, которому я бесконечно благодарна. Мне хочется сказать об отце Александре то, что он сам некогда сказал о Тейяре де Шардене: «То, что написано у него, написано у меня в сердце»

ПАМЯТИ МАРИНЫ ВИНЕЦКОЙ

Я познакомилась с Мариной в тот период ее жизни, когда она наконец-то обрела возможность нести церковное служение катехизатора. Именно к этому поприщу стремилась ее душа, и давно она, так или иначе, уже занималась этим, используя любую возможность. Это могло быть в Эстонии, прямо на пляже, у себя дома, куда, с ее согласия, знакомые приводили любого человека, захотевшего что-то узнать о вере, поговорить о Христе. Могло это быть в любой московской квартире, на прогулке в парке, которые Марина так любила. Меня всегда поражало? с каким бесстрашием, более того, с радостью, Марина стремилась к таким беседам, где ее убежденность в истинности христианского пути, непоколебимость в вере, открывали для многих и многих новое для них измерение жизни.

Я помню, как одна сестра попросила у Марины разрешения привести к ней свою подругу, только что похоронившую мужа. Он скорпостижно скончался от рака, и с его кончиной для этой женщины закончилось все. Ни о какой вере она прежде не задумывалась, вполне удовлетворяясь мерным ходом своей благополучной жизни. На эту встречу ее с трудом уговорили прийти. Ведь какой смысл был для нее говорить о Боге, когда Он отнял у нее самое дорогое — «если Бог благ и всемогущ, то Он не мог допустить такого несчастья, а раз допустил, то или Он не благ, или не всемогущ, или то и другое вместе. А может, Его и вовсе нет» (таков обычный ход рассуждений людей, далеких от веры). Когда Марина мне все это рассказала, попросив помолиться об этой встрече, я в очередной раз поразила ее мужеству... Ну как пробиться через эту погруженность в свое страдание? Как пробиться через реальность боли и несчастья, в сравнении с которыми невообразима возможность, кажущейся неувольимой, любви Христа, отирающей всякую слезу? Но ведь об этой любви и собиралась говорить?.. И однако, встреча имела свои последствия — женщина эта пришла позже на катехизацию, теперь она в Церкви, и жизнь ее не кончена, как ей тогда казалось, а совсем наоборот, обрела подлинный смысл. Я думаю, многие из тех, кто знал Марину, могут рассказать подобные истории.

Возвращусь в 1989 г., тогда о. Георгий Кочетков предложил Марине участвовать в оглашении, т.е. подготовке к крещению и воцерковлению. Весь пыл своей души, все немалые знания, весь опыт веры и любви она

принесла тем людям, которые попали в ее группу. (Надеюсь, кто-то из них расскажет об этом). Но я оказалась в другой группе и познакомилась с Мариной, когда она заменяла наших катехизаторов. Позже, уже приняв крещение, но ощущая, что веру так и не обрела, я попросила Марину, почти совсем незнакомого мне человека, о встрече, хватаясь за нее, как за последнюю возможность выбраться из того тупика, в котором я оказалась и который переживался мной как катастрофа. Она тут же дала мне свой телефон, выразила большую радость от возможности встретиться со мной, совершенно посторонним ей человеком. Встреча состоялась, и началась наша дружба, а вернее, мой путь духовного ученичества. Наверное, не обошлось без ее молитв, когда я ощутила, что все же путь оглашения, который я прошла, не завел меня в тупик окончательного осознания бессмысленности существования, а поставил на путь живой веры.

Марина иногда говорила: «Ну до каких благословенных времен мы дожили! Ведь если бы в свое время кто-то пригласил меня на катехизацию, я бы куда угодно, за тридевять земель, бросилась немедленно на такую встречу. Меня так поражает, что многие сейчас остаются равнодушными к такой возможности!» Видимо, она недооценивала редкость того дара веры, той всецелой отданности Христу, которым она обладала.

А ведь свой путь ко Христу Марина начинала практически в одиночестве. Наверное лучше об этом расскажут те, кто знал Марину задолго до меня, но мне хочется вспомнить ее рассказ, так поразивший меня в свое время.

Это были годы почти абсолютного атеизма. Марининому обращению способствовала врожденная болезнь сердца ее дочери Маши. Необходима была операция, но ее нельзя было делать раньше определенного возраста, до этого малышке еще надо было дожить. И вот, наконец, Маринин муж, Леонид Темин, а он был достаточно известным поэтом, познакомил ее с Анастасией Цветаевой. Анастасия Ивановна сразу вызвала у Марины необыкновенное доверие, и она рассказала ей о своей тревоге — о болезни дочери. И та сказала ей просто: «А вы молитесь, просите помощи у Бога». Для Марины такой ответ был совершенно немыслимым. Как это ей — физику-теоретику, прекрасно разбирающейся в картине мироздания, — предлагают такой абсурд! Тем не менее, в момент особенного

Библейско-богословский институт
св. апостола Андрея
приглашает на
ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ
и
Презентацию журнала
«МИР БИБЛИИ»

16 сентября в 15 часов

Адрес:
дом-музей Марины Цветаевой
Борисоглебский пер.6

отчаяния, каким-то чудом преодолев свой рационализм и скепсис, Марина обратилась к Небу, как-то еще не совсем ясно представляя, Кто там может ее услышать. И вот тогда, всей своей изболевшейся душой, всем своим чутким сердцем, она ощутила, что ее молитва несется не в пустоту величественного равнодушного космоса, а к Кому-то живому и любящему, Тому, Кто слышит, отвечает, Кто поможет.

Не знаю, насколько рассказ мой точен в деталях, но так он мне запомнился со слов Марины. А дальше начался путь в Церковь — поиски священника, книг, кого-то, кто мог поделиться своим опытом веры, знанием. Можно себе представить, как все это было сложно в начале семидесятых! Крестил Марину и ее дочь Машу отец Димитрий Дудко дома, тайно. В те годы о. Димитрий многое сумел сделать, чтобы привести в Церковь, ко Христу, интеллигенцию, которая жаждала Благой Вести.

Кстати, о молитве. Я часто бывала у Марины, мы вместе могли быть где-то еще, но ни одна такая встреча не оставалась без молитвы. Марина говорила: «Так, тебе уходить в три, значит, в полвторого мы пообедаем, а потом помолимся». Ни одного раза мы от этого не отступили. И как же важно было для меня, начинающей христианки, участвовать в молитвах хвалы, благодарения, принесения Господу, дорогому любимому Иисусу, своих близких и дальних с их большими и совсем незначительными проблемами. Особенно это важно было для меня потому, что поначалу у меня была только одна тема для разговора с Богом — мои грехи. Наверное, это не так уж плохо для начала, но спасибо Марине, это она ввела меня в тот многообразный опыт молитвы, о котором говорилось выше.

Марина очень любила Богородич-

ное евангельское чтение (Мф 10: 38-42). Она всегда переживала из-за того, что, на ее взгляд, была лишена дара помощи. «Вот помолиться, поговорить, посвидетельствовать — это я с радостью. А когда нужно чем-то конкретным помочь, я как-то теряюсь, не знаю, за что взяться, да и особого призыва не ощущаю». И вот поэтому слова Христа о Марии: «Она же избрала благу ю часть», — служили для нее всегда утешением. Тем не менее, стремление к совершенству, заповеданное нам Спасителем, побуждало ее ехать к кому-то в больницу, чтобы наряду с непрестанной молитвой, человека покормить, умыть, прибраться.

И еще я решила поделиться своими воспоминаниями о последних днях Марининой жизни, хотя и сомневалась, надо ли это делать. Читая эти строки, вы поймете природу этих сомнений — уж очень близко эти воспоминания касаются сокровенных сторон ее души. Но все же это свидетельство мне кажется таким бесценным, что я решилась говорить об этом.

Марина относилась к тем людям, которые ясно видят, к «алчущим и жаждущим правды». И, как почти всегда бывает, это ясное видение рождает некоторую нетерпимость к тем, кто в чем-то, вольно или невольно, нарушает правду. Эта нетерпимость создавала с людьми напряженность, а иногда — и конфликты. И вот, перед тем, как забрать Марину к Себе, Господь даровал ей пережить подлинное, глубокое покаяние, подобного которому мне пока не приходилось видеть больше нигде. И лучшим свидетельством тому были люди, с которыми оно было связано. Марина вдруг осознала острейшую потребность попросить прощение у каждого, кого она хоть чуточку когда-то задела, кого, пусть не желая, обидела, уже не говоря о более серьезных случаях. Марина была смертельно больна, и силы уже покидали ее, поэтому она просила тех, кого могла, приехать к ней, чтобы попросить у них прощения. Остальным же она написала письма с просьбой о прощении. И люди потом рассказывали, какой подлинной жадой прощения и желанием загладить все обиды и недоразумения, были наполнены эти письма, хотя в них болезнь уже путала буквы и даже слова, ни в чем не сумев поколебать духа. Это действительно было потрясающее, это было то, к чему все мы призваны, но так мало кому удается это осуществить. Марину абсолютно не интересовало, был ли, и если да, то в какой степени, виновен другой человек в существующем недоразумении или нестроении, как будто она напрочь забыла, и, видно, так и было, те обиды и претензии, которые совсем недавно были для нее реальны и значимы (хотя прежде казались

ей прощенными полностью). Для нее теперь предельно ясно высветилась ее собственная, пусть даже самая крохотная, неправота. Как сияли ее глаза, когда она говорила мне: «Какое счастье, как будто на моем сердце лежал ядовитый мохнатый черный зверь, а я даже и не знала о нем, и теперь все, Господь скинул его с моего сердца!» Благодарность к Иисусу Христу захлестывала ее в этот момент. Я думаю, это было то самое обретение полного прощения за то, что она так много возлюбила!

А меня Марина просила: «Я знаю, как ты всегда переживала и огорчалась, когда у меня с кем-то были трения, когда я поступала жестко и несправедливо. Так вот, если вдруг ты впрямь заметишь что-нибудь подобное, немедленно, слышишь, немедленно, говори мне об этом!»

И было еще два свидетеля этого поразительного чуда — о. Александр Борисов и о. Георгий Чистяков, оба они исповедовали Марину незадолго до ее смерти. Она испытывала поразительную, жгучую потребность в исповеди, и оба пастыря были потрясены той высотой духа, с которой им довелось встретиться на этих исповедях.

Умерла Марина 7 сентября 1996 г., отпевали ее 9 сентября, в день памяти о. Александра Меня. Панихиду совершали три священника (не каждый может удостоиться этого!) — о. Александр Борисов, о. Георгий Чистяков и о. Георгий Кочетков. Все трое сказали о Марине чудесные, какие-то совсем особенные, слова. Каждый по-своему рассказал о ней, о том, что для него было в Марине самым важным. А она лежала такая спокойная, как будто ее это совершенно не касается. Ей было уже не до человеческого признания. Наверное, в тот момент она встретилась с Тем, Кого так любила и к Кому стремилась изо всех своих слабых сил.

Мария СМЕРНОВА

Выставка
«ДУХОВНЫЙ МИР ИНОКИНИ ИОАННЫ»

иконопись

ЮЛИИ НИКОЛАЕВНЫ

РЕЙТЛИНГЕР

1898 — 1988

20 сентября — 17 октября 2000

Музей Древнерусской культуры

им. Андрея Рублева

Спасо-Андрониковский монастырь,
церковь Михаила Архангела

Адрес: Андроньевская площ., 10

В июле 1999 г. мне посчастливилось побывать в Тэзе. Нас было более сорока человек из разных приходов Москвы, и всех нас объединяло желание познакомиться с жизнью христиан Франции. По пути туда мы ненадолго останавливались в маленьких польских и чешских городках, с удовольствием бродили по улочкам и площадям Нюрнберга и Кельна, любовались их старинными зданиями, соборами, ратушами. Подарком судьбы был для нас короткий отдых на берегу Атлантического океана, купание в Бискайском заливе. Но наш путь лежал на юго-восток Франции, в Бургундию, в маленькую деревню Тэзе.

В первые минуты Тэзе производит впечатление огромного муравейника. Нас поразили колоссальные толпы молодежи, буквально заполнившие территорию лагеря. Было время обеда, и молодые люди с разноцветными чашками и мисками на подносах расположились, кто где смог — стоя у столиков, на скамейках под деревьями, под навесами или прямо на траве. Стоял шум, гам, раздавался громкий смех.

На нас, только что прибывших, усталых после длительного ночного переезда на автобусе, никто не обращал внимания. Тэзе показался нам местом, где царит хаос. Мы оторопело вглядывались в людей, окружавших нас, тщетно пытаясь увидеть в них что-нибудь, что указывало бы на их «статус» паломников. Но ничто не напоминало нам о том, что мы находимся на территории христианской общины: не видно было ни храма, ни монастыря, ни монахов. Мы были совершенно сбиты с толку. Но на лицах наших спутников, кто не в первый раз приехал сюда, сквозила ночную усталость проступала неподдельная радость от встречи с Тэзе. Нам же еще только предстояло открыть ее для себя.

Вскоре нас накормили и разместили во вполне удобных домиках спокойные доброжелательные сестры из католической общины св. Андрея. Отдохнув и придя в себя после утомительного пути и первых сумбурных впечатлений, мы начали понимать, что хаос здесь только кажущийся — из-за обилия здоровых, полных энергии молодых людей — и что жизнь здесь подчинена определенному порядку, который, как мы убедились позже, достигается огромным трудом братьев этой удивительной общины и их добровольных помощников. При таком количестве паломников, которые приезжают сюда на неделю в течение многих месяцев, порядок здесь просто фантастический. С жизнью общины, историей ее создания, программой и порядком нашего пребывания в Тэзе нас познакомил доброжелательный, хорошо говоря-

щий по-русски, брат Люк. Несмотря на огромную занятость, он находил время встречаться с нами. Серьезно, а иногда и шутливо, с юмором, отвечал он на наши, вероятно, казавшиеся ему наивными, вопросы. Его объяснение, естественность, искренний интерес к каждому вызвали у нас ответную лю-

Тэзе: благословенная земля

бовь и благодарность. Брат Люк стал для нас живой ниточкой, связавшей нас с братьями общины. С глубоким уважением и любовью рассказывал он нам об удивительном человеке — основателе и настоятеле общины брате Роже, посвятившем свою жизнь Богу и людям.

Во время нашего пребывания в Тэзе там находились примерно 70 братьев. Еще 20—30 несли свое служение далеко за пределами Франции, там, где требовались их помощь, самоотверженность и любовь. Мы узнали, что братья живут своим трудом, не принимая никаких пожертвований на свои нужды. Все, что они зарабатывают, идет на содержание общины и паломнического центра. Духовный труд они сочетают с работой в мастерских, где изготавливают предметы прикладного искусства, гончарные изделия. Братья издают книги духовного содержания, печатают открытки, пишут картины. Все это продается в сувенирном магазине на территории центра и за его пределами. Члены общины проводят встречи, духовные беседы с молодежью. После вечерних богослужений они остаются в храме и исповедуют желающих, проводят пастырские беседы, обсуждают с паломниками их проблемы. Жизнь братьев напряженна, многогранна и наполнена духовным и физическим трудом. Целью своей жизни они сделали служение Богу и ближним. И это приносит прекрасные плоды: за полувековую историю общины сотни тысяч молодых людей нашли здесь любовь и понимание, получили помощь в решении своих проблем, обрели смысл в молитве, познании Истины, научились служить людям. Для скольких из них этот скромный монастырь стал единственным прибежищем и спасением в жизни! И когда видишь преобразенные внутренним светом лица людей, молящихся в храме, понимаешь, ради чего трудятся братья этой уникальной общины.

Начиная с 60-х гг., когда число паломников значительно выросло, братьям стали помогать сестры-монахини католической общины св. Андрея, что находится по соседству,

и сестры, приезжающие сюда из разных стран (так, я встретила здесь с монахиней из Литвы).

Жизнеобеспечение паломнического центра в немалой степени осуществляется и самими паломниками. Они помогают готовить и раздавать пищу, убирать помещения и территорию, разбирают почту, выполняют множество иных обязанностей. Это занимает не более одного-двух часов в день, но совместный труд сближает и дает возможность почувствовать себя членами одной большой семьи.

Жизнь паломников Тэзе удивительно интересна и разнообразна. Они участвуют в ежедневных богослужениях в храме, встречаются в так называемых «малых группах общения», размышляя вместе над религиозными и нравственными проблемами — темы этих размышлений предлагают группам братья общины. Во внебогослужбное время в храме можно разучить под руководством регента удивительные по красоте и духовному воздействию песни Тэзе. У паломников остается время и на знакомство с находящимися неподалеку прелестными старинными городками — чистенькими, утопающими в зелени и цветах, посетить прекрасно сохранившиеся средневековые храмы, замки, поместья, чудесные парки. Когда в крохотных деревеньках обнаруживаешь древние, построенные еще в романском стиле церкви, в которых совершаются богослужения, невольно испытываешь чувство удивления, уважения и даже зависти — возникают грустные параллели с нашей действительностью...

В один из дней мы посетили аббатство Ключи, когда-то один из самых больших монастырей Франции. Теперь это музей. В зданиях этого прекрасного архитектурного комплекса размещена экспозиция, рассказывающая об истории аббатства и жизни монахов. По другую сторону от Тэзе, примерно на таком же расстоянии, как и Ключи, находится еще одно старинное аббатство — Сито. Сравнительно молодая община Тэзе продолжает традиции этих древних монастырей, сочетая в себе сохранение традиций, преемство и развитие нового, современного. Опираясь на заповедь Иисуса Христа о любви к ближнему, в Тэзе создали общину нового типа, вся деятельность которой направлена на примирение и единство христиан всего мира.

Община устремлена в будущее. Созданный братьями паломнический центр — преимущественно молодежный. На протяжении многих десятилетий он притягивает к себе молодежь из разных стран. Но здесь можно встретить людей разного возраста, поскольку интерес к этой общине среди христиан всего мира велик. Среди паломников немало людей

старшего возраста и совсем пожилых. Здесь, в Тэзе, где сам воздух наполнен любовью и радостью, Господь свел вместе людей разных национальностей, профессий, культур, языков, возраста и повернул их лицом друг к другу, открыл их сердца для любви и взаимопонимания.

В атмосфере свободного духа исчезают барьеры, разъединяющие людей, и это особенно ощущается в группах общения. В нашей группе, объединившей братьев и сестер из стран Европы и Японии, мы ежедневно обсуждали общие проблемы, лучше узнавая друг о друге и о жизни в наших странах. Светло и радостно становилось нам от того, что нет между нами пропасти непонимания, что Господь помогает нам находить решения, если и не одинаковые, то и не разъединяющие нас. Каждый из нас открыл здесь для себя что-то новое, приобрел духовный опыт, который помог нам понять очень важную вещь — мы все принадлежим к единой христианской семье.

Самое глубокое впечатление от пребывания в Тэзе связано у меня с общей молитвой в храме Примирения. Храм был построен в 60-е гг., а позже, когда не стал вмещать все возрастающее число паломников, его расширили. Здание выстроено в нетрадиционном стиле, но просто и функционально: это длинное просторное помещение с легкими раздвижными перегородками, позволяющими увеличивать или уменьшать молитвенное пространство. Алтарь храма оформлен красиво и лаконично: красные полотна спускаются сверху к его подножию в виде языков пламени и вместе с яркими переливающимися огоньками

Люди располагаются прямо на полу, на мягких покрытиях (после каждого богослужения дежурная группа их тщательно вычищает с помощью пылесосов). У каждого — тетрадь с текстом и нотами песнопений. Лица людей полны радостного ожидания молитвенного общения с Богом. Звучит мелодия. Под ее звуки в храм торжественно входят братья в белых одеждах, садятся длинными рядами друг за другом в центре храма, перед алтарем. Позади всех сидит брат Роже, окруженный детьми разных национальностей, что символизирует единство христиан всего мира — детей Единого Отца. Богослужение начинается.

С первыми звуками песнопений меня охватывает чувство необычайной радости: я ощущаю себя в эпицентре яркого молитвенного действия, где все воздействует на душу и сознание — дивные мелодии и слова молитв, чистые прекрасные голоса, ярко горящее пламя свечей в алтаре, иконы, торжественный вид монахов в белых облачениях... Замираю от восторга... А в сердце входит удивительный покой, и всем своим существом я обращаюсь к Богу. Молитва сливается с мелодией песнопений, возносится

высь к Тому, Кто рождает ее внутри меня. И рядом сотни людей также замерли в молитве. Сколько прекрасных, одухотворенных лиц вокруг! Кажется, единая душа мира отражается в них...

... Молитва кончается, наступает глубокая тишина. Постепенно и как-то незаметно храм пустеет. Всякий

раз, когда богослужение окончено, к светлому чувству благодарности Богу за минуты духовного очищения приливает сожаление о том, что это удивительное действие заканчивается.

Выхожу на улицу — здесь в полном контрасте с прохладной полутьмой храма, яркий солнечный свет теплого июльского дня заливают все вокруг, и одна радость сменяется другой — как хорошо, как свободно здесь дышится! Вокруг меня те же люди,

они разговаривают на разных языках, но мы хорошо понимаем друг друга. Свет, озаряющий их лица, сияющие глаза, их улыбки — все это поддерживает ощущение единения. Бог посреди нас! Он говорит с нами и открывает Себя через любовь, наполняящую наши сердца.

Неподалеку от храма — икона Ченстоховской Божией Матери, перед ней — цветы и горящие свечи. Иду к ней и продолжаю молиться: «Богородице, Дево, радуйся...» Каждый раз при чтении этой молитвы одно и то же знакомое, но всегда по-новому волнующее, чувство возникает в моей душе: где бы я ни произносила эти слова — дома во время чтения правила, в прославленных российских монастырях, в маленьких деревенских церквях, или здесь, далеко от дома — я знаю, что Мать Божия слышит меня и всех христиан, простирая над нами Свой покров, принося наши молитвы Сыну Своему, спасая наши души.

Есть в Тэзе еще одна церковь, там совершают традиционные богослужения священники разных конфессий. В день отъезда мы причастились здесь Святых Тайн на литургии, которую служил отец Александр из Румынии.

Было чудесное раннее утро. Деревенка еще спала. Окрестные поля и луга дышали миром и покоем. Под высоким синим куполом лежал благодатный край, согретый теплом Божьей любви. Эта картина снова вызвала в сердце чувство благодарности к Богу за счастье быть свидетелем и участником Его славы, за Его творение, данное нам в дар, созданное для нашего счастья. Бог был во всем и во мне, с любовью и миром Он вошел в мою душу и говорил со мной. Покидая этот благословенный уголок, я повторяла: «Господи, пребуди со мной всегда!»

И теперь, по прошествии года, этот божественный свет, этот огонек счастья, разгоревшийся во мне в те дни, по-прежнему светит в моей душе. И когда я нуждаюсь в помощи и защите, он с новой силой вспыхивает внутри, разгоняя тьму, вселяя надежду.

Господи, благодарю Тебя за все!
Людмила ЗАЙЦЕВА

вызывают ассоциации одновременно с огненным схождение Святого Духа в день Пятидесятницы и с Неопалимой Купиной. По обе стороны от алтаря на стенах православные иконы: справа — Воскресение Христово, слева — образ Владимирской Богоматери (эту икону подарил общине митрополит Ленинградский Никодим в 1962 г., во время посещения Тэзе).

Общая молитва совершается три раза в день, и всегда храм полон.

«Мир Библии» №7 Москва, ББИ, 2000

Вышел в свет очередной номер ежегодного альманаха «Мир Библии». Этот выпуск — юбилейный. Прежде всего альманах посвящен 2000 христианства, поэтому в нем так много материалов о Рождестве Христовом, ведь Рождество — тот поворотный момент человеческой истории, с которого началась новая эра. В номере вы сможете прочесть стихи о Рождестве Христовом (подборку подготовил С.С. Аверинцев), узнать как развивалась эта тема в живописи и т.д.

Также номер посвящен 10-летию со дня трагической кончины о. Александра Меня и 65-летию со дня его рождения. Даты рождения и смерти определяют всегда границы земного пути человека, но не границы его

служения. Так и с о. Александром, труды которого читатель найдет и на страницах альманаха. Это две статьи из Библиологического словаря: «Библейская христология» и «Книга пророка Исайи».

Исайя — любимый пророк о. Александра, он его часто цитировал. И думаю, что и ему

было бы интересно прочитать те новые переводы, которые на страницах альманаха публикует Андрей Графов.

Прошлогоднему юбилею — 500-летию первой славянской Библии, Гennaдиевской, — посвящена статья о. Иннокентия Павлова. А 50-летию исследования рукописей Мертвого

моря, которыми, кстати, о. Александр очень интересовался, посвящена статья американского исследователя Чарльзурта.

Кстати, юбилей в этом году празднует и сам Библейско-богословский институт, который издает этот альманах. Ведь его основы были заложены на той лекции, которую о. Александр прочел 8 сентября 1990 г.

Как всегда, в «Мире Библии» публикуется новая пьеса Дороти Сэйерс, в переводе Н.Л. Трауберг — «Царский путь». В нем читатель найдет статью Е. Коляды о музыкальном служении левитов и многое, многое другое.

Впрочем, пересказывать альманах «Мир Библии» — дело неблагодарное. Его надо читать. К тому же он прекрасно иллюстрирован, так что его нужно хотя бы видеть.

Напомним, что этот альманах был основан о. Александром Менем, и

Ия ГЛОСС

УБИЙСТВО В ХРАМЕ. РЕПЕТИЦИЯ

(Попытка рецензии)

Я не театрал. Не потому что не люблю театр. Боюсь нарваться на какую-нибудь дешевку. А на то, что хотелось бы посмотреть, денег нет.

На спектакль, о котором идет речь, я пошел из любопытства, из вежливости и не без настороженности.

В начале весны, во время моего дежурства в нашем храме, я случайно познакомился с женщиной. Она нервничала около закрытого нашего киоска (короткий перерыв на трапезу киоскера). Женщине нужно было посмотреть, какие у нас есть книги о. Александра Меня или о нем. Разговорились. Она оказалась актрисой театра Марка Розовского «У Никитских ворот» Людмилой Романовой. Театр ставит спектакль об о. Александре. Потом уточнилось — посвященный его памяти. Я, признаться, встревожился. Имя Марка Розовского мне известно лет сорок. Он, помнится, участвовал в юмористическом разделе «Юности», писал замечательные острые рассказы. Потом стал драматургом, как мне помнится, сатирического направления. Я стал расспрашивать

Людмилу о Марке. Нет, он человек некрещеный, не церковный, но идет к Богу семимильными шагами. Моя тревога усилилась. Не хватало еще, чтобы восторженный, но непосвященный поклонник развесил сладкорозовую слюнявую клюкву вокруг имени о. Александра.

Я дал Людмиле несколько нужных ей книг из своей библиотеки, тем укрепив наше знакомство. Людмила оказалась славной доброжелательной без тени высокомерия женщиной. Третьего мая Людмила позвонила мне, и я пошел.

Итак, «Убийство в храме». Джон Элиот. Двенадцатый век, правление английского короля Георга IV. Король дружит, по жизни дружит, с Архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом. Между королем и Папой Римским разлад-разрыв-ссора. Король Георг рассчитывает на поддержку своего друга-Архиепископа, но тот принимает сторону Папы. Как-то в кругу собутыльников король, подвыпив, бросает запальчивую фразу: «Не найдется ли кто-нибудь убить этого попа?» Нашлись. Четверо. Убили. Прямо в храме.

Спектакль начинается с того, что актеры собираются на репетицию. Да и весь спектакль представляет собой репетицию спектакля Элиота. Перед началом режиссер говорит, что он человек неверующий, но его взволновала история убийства священника в храме, хотя событие и произошло почти тысячелетие назад.

В начале актеры — просто компания знакомых людей, собравшихся вместе пообщаться. Шуточки, питье из термоса, шутивное заигрывание... А потом началось.

Я не ожидал, что в текст Элиота так органично впишется и голос о. Александра, и слово его проповедей и лекций, и сцены допроса свидетелей по делу о его убийстве, и хор актеров,

поющий духовные песнопения (ну и басына у этого длинного тощего мальчика!). Я не нашел ни одной натяжки, ни одной фальшивой ноты, ни одного актера, который бы вел свою роль приблизительно или вполсилы. Приведу фразу, которая меня поразила: «Храм не крепость, он должен быть открыт». Не хочу подробно описывать различные сцены, отдельных актеров. Спектакля это не заменит. Тем более — я заметил что-то одно, другой выделит иное. Спектакль просто надо смотреть.

Очень жаль, что нашей страной правит преступное, ненавидящее собственный народ государство. Одно из его многочисленных шупалец убило Человека, которым может гордиться и наш народ, и все человечество нашего поколения. И государство сделало все, от него зависящее, чтобы замести следы убийства. Ворон ворону глаз не выклюет, шупальце шупальцу ядовитую присоску не заткнет.

И, тем не менее, спектакль несет не безнадежную тоску и безвыходность, а торжество человеческой любви и Христовой правды. И низкий мой поклон Марку Григорьевичу Розовскому, когда-то хохмачу и насмешнику, а теперь — философу и Мастеру. Многая ему лета и творческие успехи на его поприще. И на пути в Церковь.

Константин СЕМЕНОВ

<http://212.192.227.195/~kosma>
— страница Храма.

<http://www.deti.msk.ru>
— Республиканская детская клиническая больница, Группа милосердия.

<http://alexandrmen.ru>
— страница об о. Александре Мене.